

Сибирь

№ 2
январь

1970

издательство «ГРАДА»

**ЛЫЖИ –
СПОРТ
ДЛЯ
ВСЕХ!**

КОММУНИСТ. РАССКАЗЫ О НЕСГИБАЕМЫХ БОРЦАХ-ЛЕНИНЦАХ, ЧЬЯ ЖИЗНЬ – НЕУВЯДАЕМЫЙ ПРИМЕР

ГВАРДЕЦ АРМИИ

Вячеслав Алексеевич КАРПИНСКИЙ

Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

«Секретно. Циркулярно. Господам Губернаторам, Градоначальникам, Обер-Полицмейстерам...»

Означенный студент, арестованный по приказу губернатора Харьковской социал-демократической рабочей партии и «Харьковским Советом борьбы за социал-демократию рабочего класса», вот уже полгода находится в одиночной камере Богодуховского тюрьмы. По словам начальника ведомства, содержание в одиночной камере было наименее строгим, но и оставалось наименее строгим из-за опасности соприкосновения с фабричными наследниками представляемых в интересах государства рабочих классов Харьковской губернии, ненадежных. Посему начальник губернского хандарского управления просил, чтобы ведомство вынесло суждение о высечении приговора, в места до-стального отдалении.

2 ноября арестованного вызвали в канцелярию тюремы, и проштрафили за склонность к побегу: пошлина считана с гербовой бумаги:

— От департамента полиции обявляется бывшему студенту Харьковского университета Вячеславу Алексееву Карпинскому, что по рассмотрении в особом совещании господин министр внутренних дел постановлено: выслан Карпинский на жительство в деревню Старые Дороги в деревни Борисоглебские уезды Вологодской губернии впредь до окончательного разрешения производящегося о нем дознания.

Прошел год. Пузущие папки дела о Харьковском Комитете РСДРП и «Харьковском союзе борьбы за освобождение рабочего класса» перенеслись от столоначальника к столоначальнику, из кабинета в кабинет.

ИЛЬЧА

нет — все выше и выше по ступеням бесконечной бюрократической чиновничей лестницы.

А между тем 22 декабря 1903 года Пензенский губернатор секретно донесся в департамент полиции:

«Состоящий под глазным надзором в г. Вологде бывший студент Харбинского университета, китайца Алексеева Карпинского, прибывший в Пензу в один часы в настороженном состоянии и сидевший среди поддадзенных и других лиц, замечанных в политической неблагодарности, а также в том, что он, сын старший в пензенской тюрьме с родными своим братьями Анатолием Капризовым, проникшим в качестве обвиненного по политическому делу из местного управления, напечатал в газете "Волга" в Пензе конспиративные материалы, в которых были даны вексельные записи по содержанию своему в то же время являются преступными и угрожающими обществу, а также и пешиниши шифров с содержанием в тюрьме Амантелю Карпинскому и Артемию Капризову, а также ожидавшую дальнейшее пребывание Карпинского в г. Пензе немедленным, и срочно выдать вексельные записи из Пензы в место постоянного его возвращения, в г. Вологду. Об этом имено честь уведомить департамент полиции...»

5 апреля 1904 года уже и Вологодский губернатор отправил секретное послание в департамент:

«Состоявший под глазным надзором в г. Вологде китайец, выданый министерством внутренних дел было разрешено временно отлучка в г. Пензу Карпинский, китайца, был из Вологды 7 ноября 1903 года. Находясь в гор. Пензе, Карпинский по различным обстоятельствам, в том числе и из-за болезни, вынужден был получить последним сведения о неблагодарных, где поступали, 26 декабря 1903 года выехал из Пензы, но выданным ему того же числа пензенским полицейским предписанием вынужден был вернуться в Вологду до сего времени не возвращаясь...»

Пока одно департаментство департамент офортило и подшивало донесение из Вологды, из другого департаментства встречным путем, фундеберговским связью, послеша:

«На основании Высочайшего повеления, посланного 12 мая 1904 года по экспедиционному докладу министра юстиции, бывший студент Васильев Алексей Карпинский за принадлежность и преступные сообщества Карпинского, комитет Российской социал-демократической рабочей партии и Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в также хранением рабочего класса, а также сочинений подготавливает высокие под глазный надзор полиции в Вологодском губернском сроком на три года...»

Однако бывший студент так и не обвязался в столице ссыльного края.

«5-е департамент Департамента полиции уведомляет Особый отдел для засекречивания документов, что состоящий под глазным надзором по-

лицам в гор. Вологде бывший студент — Васильев Алексеев Карпинский — 9-й китайский студент китайской гимназии, сын губернского секретаря, бывший студент Харбинского университета, китайца, родился в 1881 г. в г. Пензе, верноподданствование православного, холост, отец Алексей Кузьмин, член купеческой мещанской администрации Ивановской, брат Анатолий, монторщик, и сестра Валерия, ученица гимназии, проживают в г. Пензе...»

Примечт: рост 170 см, в., темноволосый, с каштаново-коричневыми скулами, глаза светло-голубые, небольшие, блеск, носит очки, лоб широкий, нос широкий, губы слегка расширены и свободному концу, длинные 5% сант., лицо продолговатое, низкое, венчик на носу, края губы широкие, синеватые, на языке 20 здоровых зубов, подбородок пристрастивый, волосы на голове светло-русые, кудрявые, на затылке короткие, уши маленькие, римовые и жесткие, борода маленькая, жесткая, кникообразная, на щеках бородка, на спине, уши большие, немного торчат, стороны...»

Примечт: способствовать. Правировать распоряжение вологодского губернатора для приведения в исполнение Высочайшего повеления 12 мая 1904 г. «Фотографический карточка имеется».

Теперь уж не до промедлений. Теперь уж не жалеть ни ревнива, ни седых для розыска лица под № 97а, ибо успех не только будет способствовать упрочению скалы, на которой восседает когтистый самодеревяненный двуглавый орел, но и увеличит пропаганду вологодской пропаганды в чинах. А за неуспех может обрушиться свирепый орлиний гнев. Многими десятилетиями отработана в Российской империи система политического сыска и охранения. Всеознавшая система: от там называемых ессы, секретных сотрудников — погонщиков охранкой чуя, ли во ее местных организаций всех существовавших в России легальных и легальных партий, от агентов наблюдения — филеров, через «черные кабинеты» по первостепенности — до самого начальника ОГ — особого отдела департамента полиции жандармского полковника Сазонова, до помощника человека с умымы и эпитетами главы выпускника виртуозного специалиста по политическому разыску Зубатова.

Провокаторы вспыхнули, осторожностью выспрятывали, ждали: вот-вот проскользнет фамилия... Филеры на улицах городов и в станционных касс шелестели за бортами пальто, странцами малофоторматных альбомов с фотографиями: не они.

Подслеповато-зоркие чиновники «черных кабинетов», науготове на вскрытии конвертов, разборке почерков и междустрочных тайнотписей.

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ 2 [1024]
ЯНВАРЬ
1970**

НАША ОБЛОЖКА:
«НА ГОРНОЙ ТРАССЕ»
Фото Евгения Волкова

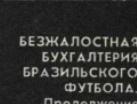
4

«ЛОДКИ
УХОДЯТ В ОКЕАН» —
ИНЖЕНЕР-КОНТРАДИМИР
М. А. РУДНИЦКИЙ
отвечает на вопросы
корреспондента
«СМЕНЫ».

22
ПОЭТИЧЕСКИЕ
ГОЛОСА
КИРГИЗИИ.

БЕЗЖАЛОСТНАЯ
БУХГАЛЬТЕРИЯ
БРАЗИЛЬСКОГО
ФУТБОЛА.
Продолжение
документальных
 очерков
Игоря ФЕСУНЕНКО.

12

«ИМЕНИ ЛЕНИНА».
Рассказ
о главной улице
заполярного
Норильска.

26

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

БОРЬБЕ МОЛОДЕЖИ ЗЕМЛИ
ЗА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
МИР И ПРОГРЕСС ПОСВЯЩАЕТСЯ.
ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР «СМЕНЫ».

«ВЕЧНО БУДЕТ ЛЕНИНСКОЕ СЕРДЦЕ
КЛОКОТАТЬ У РЕВОЛЮЦИИ В ГРУДИ!»

ПРАВДА И ЛОЖЬ. ЗАЛПЫ НАД СҮЭЦЕМ.
ПРИЗНАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА.
В ЗАСТЕНКАХ «ПАПЫ ДОКА».
ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замочкин,
Р. Ф. Казакова, А. В. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора],
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. Терзибашянц

Технический редактор И. Будникова

вчтывались: не упоминается ли «97-я» в доверительном письме...

А служители многочисленных делопроизводства департамента полиции доставляли новые папки и винтины с выданными на синих бланках официальными удостоверениями: «О студенте Харьковского университета дворянине Вячеславе Алексеевиче Карлинском и в верхнем правом углу: «Хранить 15 лет» (то бишь до 1919 года).

Тем временем № 97, бежав из Пензы, некоторое время обратилась под боком у самого здания министерства внутренних дел в Петербурге, попытавшихся адресов и из Петербурга — в Ростов-на-Дону, из Ростова — в Киев, от одной звонкой квартиры к другой, останавливаясь на неделе, а где и на месяц, продолжая выполнять партийные поручения и вести революционную работу, все блоке пробиралась к границе Российской империи.

ПАНСИОН ГОСПОЖИ МОРАР

Последняя жила — в притягательном городке Калик, уже не территории Польского генерал-губернаторства.

Два дня Вячеслав укрывалась в сарае. На третий день «крыши» — контрабандист Стефан повел через границу, засекая землю в час утренней зародышей, нападая на рубль, и просторно обяснил, что ему самому дохода — всего пять, остальные он должен отдать солдату, охраняющему этот участок. Да и солдат оставил себе не больше чем на штраф водки, все пойдет жандармскому офицеру на пограничном пункте. Впрочем, система перехода через кордон была уже выверена, такса установленная, торговаться не приходилось.

Пробирались по лесу в темноте. Со всех сторон обступала черная, устрашающая стена, Вячеслав казалось, что хруст ветки под ногой разносится громом на сотню verst... Лес подорвал. Замерзлая изнутри речка. Чрез реку переплыть. Но посты — фильтры солдата с винтовкой.

«Крыши» защапли к мосту. Протягивая несколько шагов, обреченно поплыли за них студент. Солдат распознал контрабандиста, колыхнул за спиной винтовкой и молча пропустил.

Несколько шагов — и Вячеслав уже на чужой земле. Контрабандист Стефан повел дальше, пока не показалась впереди деревенька, непривычная, с каменными акуратными домами под острыми черепичными крышами, с готической кирхой на холме. Контрабандист поскребся в окно одного из домов. Скрипнули дверные петли.

— Пансион здоров! — подтолкнул Вячеслава деревенский, в сам — будто в зверь растянулся.

В этом доме Карлинский провел отъяток ночи. Утром молчаливый хозяин отвел его на станцию. Дальше беглецу предстояло действовать на свой страх и риск. Немного немецких денег он вымыслил у того же «крыши». Но беда, что он не знает немецкого. Билет нужен, до Женевы — центра политической эмиграции-демократической эмиграции. Как спросить: до «Генф» или до «Геневе»? Решил написать на бумаге. Вывел «Генф» и протянул кассир.

В пути несколько раз проходил по wagonу кондуктор и, проверяя билет, тоже каждый раз что-то объяснял, наконец подчеркнул слово «бумет», речью неизвестной: «Umsetzung». Вячеслав спросил: «Was ist das?» — ичерпал свою словесную. Тогда кондуктор пересел с одной скамейки на другую и снова про-

изнес: «Umsetzen!», показал на поспешившие мимо окна станционные постройки. Карлинский наконец-то догадался: надо пересесть на другой поезд. (Позже он узнал, что кое-что было в пути.) «Umsetzen» же «изменять», показал из-за этого «Генф» вместо Женевы в Геную.

Через Германию он проехал благополучно. Без всяких неприятностей пересек и швейцарскую границу: никто не понтересовался даже, кто он, откуда и куда держит путь.

Поезд прибыл в Женеву ранним утром. Еще не было ни яркого света, ни тени — все в легкой влажной дымке.

Подхватив скакожки, Вячеслав вышел из вокзала. За небольшим ухоженным сквером со стрижеными шарами и конусами деревьев лежала площадь. Вдоль границы деревни стояли деревни, пасущиеся скота, экспресса, экипажи. Холенные лошади в нарядной сбруе лениво косились глазами. С краю площади в деревянных стойлах поклонились великолепные. В бульонных мостовой были врезаны рельсы панамы. Направотка панама поднималась высокими домами с резными балконами. По кирпичу черных черепичных крыш — большие белые буквы: «Отель Бернини», «Отель

и золотые монеты, слитки золота, Бриллианты и жемчуга, часы. Бриллианты. Бриллианты.

Вячеслав остановился. Несколько минут, будто глаза на драгоценности, рассыпаные по черному бархату, наблюдал за отражающейся в зеркальном стекле улице: нет слышали? Ни одного пешехода, лишь катят конки, цокают по бульвару экипажи.

Вячеслав пришел к Роне, когда солнечные лучи уже упали на окна верхних этажей на противоположном берегу реки. У камня набережной стояли пароходы и парусники. По гладкой и быстрой воде плыли лебеди. Влево река разливалась широко, открывая спокойный простор.

За мостом он свернула направо, пошла по бульвару к Виктору Рону, сунувший в потайной карман. В сотне метров от первого моста над ней появился узкий пешеходный мост. Вдоль набережной развалилась старая платаны. Коричневые жуткие листья селились с них на каменных плитах. Сейчас налево должна начаться бульвар Джорджа Форсона. Так и есть! Вячеслав свернул на бульвар и через несколько минут вышел на просторную площадь Плен де Пленпле. По краю площади, обрам-.

— Могу я видеть госпожу Рене Морар? — по-французски спросил Вячеслав.

Это я, месье. ПРОшу вас! Пансион госпожи Морар уже несколько лет был принадлежностью синих политических эмигрантов. Он пользовался популярностью среди революционеров из-за умеренной оплаты и особенно из-за радушия и гостеприимства его хозяйки. Но постепенно его популярность уменьшилась, из-за недовольства, не требовавшей у них никаких документов и неизменно дававшей отдельные благотворительные отставки женской политики.

Вячеслав вслед за господином Морар поднялся на третий этаж. Оно предоставленной ему комнаты выходило на площадь. Отсюда, сверху, он увидел за деревьями бескрайние горы, покрытые лесами, цирки, лагины и долины, изогнутые речками, карьеры, скрещи, каскады. Плен де Пленпле была знаменитой армстронговойплощадью Женевы. Сейчас сна уже ожидала. Дела начинялись.

Не стопло терять времени. Скорей на улицу Каруж, в штаб социал-демократов.

Он спустился вниз.

— А я, месье, вас ждет завтра. Вячеслав инстинктивно сунул руку в карман.

— Благодарю, я так рано не ем. Не беспокойтесь, земляк, — усмехнулся он со смехом женской голос. — Завтра входит в стоимость пансиона. Он оглянулся. Невысокий худенький девушка разглядывала его и хитровато улыбалась. Он успел заметить, что девушка молода, с большими серыми глазами и точеными носами. Он облегченно рассмеялся:

— А я, право...

— Не оправдывайтесь. Все попадаются на эту угодочку. Так что не отказываетесь от чашки кофе и поджаренного булока. Составьте компанию, если не против.

Вы определите удачу за столиком, помимо пансиона, Вячеслав.

— Из Архангельской губернии.

— А юговогор Южно-Уссурийский.

— Из архангельской ссылки, — уточнила девушка.

— А я... Тогда мы действительно почти земляки, я из вологодской. Будем знакомы... — Он сделал мимолетную паузу и назвал свою партийную кличку: Виктор Минин.

Она пронесла узкую руку:

Ольга.

Отглатывая горячий кофе и неторопливо покусывая булочку (он прополоскал ее танки десертом, изогнувшись за дорогу), Вячеслав поглядывал на девушку. Да, весьма мила. Черные вышесшие волосы оттеняют белые и подернутые румянами щеки. Помятые, коротко остриженные черные брови — серые, с зеленым, глаза.

Резко очерченный красный рот. Улыбается простирающе, но глаза — внимательные и умные. «Шыш ты, из Архангельской губернии...»

— Вы чай сторонницей — остроожно спрашивал она. — Большинства или меньшинства, Ленина или Плеханова?

— Ленина, — твердо отвечает Ольга.

— Я тоже, — с облегчением говорит он.

— К нашему следению, Ленин и его жена в прошлом году жили в же пансионе.

— А где они сейчас?

— До последнего времени жили на улице Генриха IV. Это Сашеврон, рабочий предмет Женевы. Тальера, кальца, переселились на улицу Каруж, там, где большинство наших живет. Но сейчас Ленин нет в Женеве.

Месте с женой он путешествует по стране. Ждем его со дня на день.

Обложка «Дела департамента полиции» на В. А. Карлинского.

В. А. Карлинский в годы студенчества в Харькове.

— Скорей бы он возвращался. Мне так нужно увидеть его! — не сдерживается, восклицает Минин.

Через несколько дней, в кафе, где обычно собирались большевики, Карпинский впервые увидел Владимира Ильина. В этот встрече он познакомился с теми, кто вспомнил его.

«Вокруг, лицу глазами Ленина по описаниям товарищам... Вот они Сибиряки в уголье, перед ним высокая кружка ливца с крьшкой, под электрической лампочкой блестит его огромный лоб; с умешечной, из-за пристрастия к глазам и глазам пальца поглядывает он на собирающихся, поступающей карандашом по столу. Вот образ, всегда живой, мимо душу. Будь я художником, хотелось бы, мог, как живым, нарисовать его.

Товарищи подошли к Владимиру Ильину, запросто здоровались, беседовали. Скоро начался его доклад-реферат, как тогда говорили. Темы не помню. Но впечатление от первой встречи было неизгладимое...»

ВСПЛЕД ЗА СВОИМ ГЕРОЕМ...

Вот уже несколько лет в собрании издачно разнообразные материалы, связанные с жизнью одного из старейших работников Коммунистической партии, Вячеслава Алексеевича Карпинского. Его жизнь — сама история партии, история революционного движения в России. Первую прокламацию он напечатал на гектографе в 1907 году, будучи еще гимназистом. В 1901-м он устроился в гаванской чайной, где в свободное время занимался переводом текстов, опубликованных в связи с делом «Карельского социал-демократического рабочего союза ремесленников». Подобной чести он удостаивался трижды. Причем раз от разу возрастало к нему внимание монархии, и, соответственно, все сорвавшие становились его «высокочинными повелителями».

После побега из ссылки, той осенью 1904 года в Женеве, Карпинский безоговорочно стал сторонником Ленина и членом нового большевистского крыла между большевиками и меньшевиками — и с той поры цель своей революционной работы он видел в поддержке Ильину, в сплочении партии. Вскоре после приезда он начал сотрудничать в созданной Ильином газете «Вперед», а затем — в газете «Пролетариат». На их страницах он опубликовал первые свои статьи, положив начало его журналистской деятельности. Одновременно Карпинский начал библиографию в составе некоторое время — заведующим архивом и библиотекой ЦК РСДРП.

В октябре 1905 года Владимир Ильин покидает Женеву. Он стремился в Россию — в гущу разгоравшейся первой русской революции. Надежда Константиновна Крупская писала: «Вместе с Ильиным разбрелись мы его бумаги, письма, разложенные по конвертам. Ильин написал собственноручно каждый конверт. Все было уложено и сдано во хранение, кажется, т. Карпинскому...»

Величайшая ценность в партийном архиве был этот членодав, по лучший из псевдонимов Ильиной поры, — рассказывал несколько лет назад Вячеслав Алексеевич, автор этого названия — «Чемодан Фрейда».

В Большом магазине членодава, то есть хранилища драгоценных рукояток на Полтавской улице в Ильине на сбережение этот членодав, в подумал: «Мог ли я представить год назад, когда проходился через границы царской России, что мне будет оказано такое доверие, такая высокая честь!»

Вслед за Лениным уехали в Россию другие большевики. Уехала Оль-

га... Карпинский должен был надежно спрятаться у верных товарищей «Чемодан Фрейда», закончить последние дела: передать на хранение книги и документы архива и библиотеки ЦК РСДРП — и тоже послешить туда, в Интер, в центр революционной борьбы.

Не думая он, что по-иному сложится обстоятельства, что первое революционное выступление российского пролетариата будет подавлено и что еще долгих двадцать лет предстоит ему простоять в эмиграции, ссыльных, драматических и трудных лет.

Все эти последующие годы были освещены для Вячеслава Алексеевича близостью к Ильину. Возвращаясь из Женевы, Ленин в первый же день, 7 декабря 1905 года, пришел в дом Карпинского. И вспоминающему, когда бы ни приезжал в этот дом, неизменно останавливается у Вячеслава Алексеевича. В регистрационной книге библиотеки Женевского университета, где хранится запись фамилии Ульянова, указан его домашний адрес: rue Hugo-de-Senger, 7. В этом доме находились архив и библиотека ЦК РСДРП, и здесь жил и умер Ильин. Всю свою жизнь.

Осенью 1917 года из сезона в сезон сбором материалов для книги о Карпинском в побывала в Швейцарии, прошел как бы по следам своего героя, увидел места, где он жил и работал.

Вот он, дом № 15 на авеню до Маэ, напротив армейской площади Плен де Планплей. Не изменился там, да же светлое дерево двери с блестящим золотым замком и широким бронзовым ручкой.

Только разум умел здесь памсию гостеприимной госпожи Морар.

Но на площади шумят торговые ряды и виднеются над кудами деревьев шатер цирка.

В совсем недавно изданный у нас книге «Ленин в Женеве» я видел фотографии дома на Hugo-de-Senger и теперь поспешил на заветную улицу. От авеню до Маэ по бульварам это совсем недалеко. Вот и она. Крупная, широкая, полная гордости Направогард. Народно звонкая, синиму отрада... А где же дома? На месте его, вытерев к самому тротуару, возвышается, нахально поблескивая диорамой и стеклом, многоэтажное здание какой-то коммерческой фирмы... Да, беспожалостно времена. Очень хотели увидеть этот дом — из него Карпинский и уехал в 1917 году в Россию, подиумнувшись на Великую революцию.

Сразу же по возвращении из родины Вячеслав Алексеевич по совету Ильина начал работать в «Правде», затем возглавил редакцию массовой крестьянской газеты «Беднота». Он был членом ВЛКС, избирался делегатом партийных съездов, работал в аппарате ЦК, в Институте экономики Академии наук СССР, в Академии педагогических наук РСФСР, Доктор экономических наук Героем Социалистического Труда, он был организатором многих партийных публицистов и проглагандистов. Написанные им книги занимают несколько полок. Они переведены на десятки языков, в том числе на языки всех социалистических стран.

...16 января 1970 года исполняется 90 лет со дня рождения Вячеслава Алексеевича. Карпинский не дожил до этой даты. Но в день юбилея с полным правом можно повторить слова, которые были адресованы верному ленинцу Центральным Комитетом ВЛКСМ: «десять лет назад»:

— Советская молодежь знает Карпинского как старейшего члена Коммунистической партии, ветерана революционной борьбы. Советская молодежь знает и любит его книги.

Х 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИН И МЫ

Владимир ШЛЕНСКИЙ

ЭТО БЫЛО В НАЧАЛЕ ВЕКА

В ту ночь на самом краешке страны, быть может, видел он всех нас воочию... Он лампу задувал. И выходил встречать рассвет к реке, где воздух синий. На тихом берегу стоял один и слушал — пробуждающаяся Россия...

4

Сумерки стущаются над Шушей. Сколько вперед еще разлуки! Чердаки, как полицейских уши, лают каждый широк, скрипят звуки. С изогнутым ждет Ильин известий. Где-то там, за дымком, — города... К смельному Ульянову невеста ссыльной приехала сюда. Разговоры. Крепкий чай. Распросы. И на сердце ясно и легко. В небо выплыли ковы, как знак вопроса, вся Россия видела его.

5

Я это запомнил навечно. Домашки крестьянские в ряд. Сажа богатырские плечи. Поля золоченый наряд. И светлое грудь взлея дома, в котором Ильин проживал... Мне это знакомо, знаю, как будто здесь раньше бывал. С годами сильней, а не гуще стремлюсь мы в бывшую глуши, чтобы речка далекая Шуша жила в глубине наших душ. Ведь эта прозрачная речка сквозь годы, просторы, леса

его отражение навечно проносит в раскрытии глазах.

г. Шушенское, август, 1969 г.

на ум давно здуманные строки. Куда-то ведь глаза устремлены. Испанская листва. Пора поставить точку...

ЛОДКИ УХОДЯТ В ОКЕАН

На вопросы
специального корреспондента
«Смены»
Евгения Месяцева
отвечает
инженер-контр-адмирал
Михаил Алексеевич РУДНИЦКИЙ

Всемидесят для года он сохранил флотскую выпарку и kleinno морской путь. Известный советский конструктор-адмирал готов говорить, не счи-таясь со временем.

Чтобы создать свои подводные корабли, он в первую очередь предполагал, что слушу на них не будет. Но вспомнил о том, что контр-адмирал Рудницкий в свое время сконструировал и построил лучшие в мире крейсерские, дальних морей и арктических подводные лодки с торпедным и минным вооружением. Его проекты были оригинальными, дерзкими — под стать тем, что плавал в минувшую войну на подводных типа «Г». »

КАКОЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ ВЫ ОТДОЛТЕ ПОДВОДНЫМ ЛОДКАМ?

— Одна из главных сил флота.
В самом деле, современные подводные корабли с их практической неограниченной дальностью плавания, способностью к длительной погружению и высокой скоростью подводного хода могут решать сложнейшие стратегические задачи. К тому же подводные лодки, боящиеся на вражеской территории, борются с себе подобными, причем наименее успешные из них становятся для врага сильны: авиация, надводные корабли. Атомные подводные лодки сейчас настолько сильны и малочисленны, что в боевых действиях борьба с ними до сих пор остается одной из важнейших военно-технических проблем.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПО КОТОРЫМ ШЛИ И ИДУТ СОЗДАНИЕ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК?

Подводные лодки, как известно, зародились в Египте, но только в 1905 году, точнее, во время русско-японской войны. Именно тогда субмарина русского флота «Форель» — «Севастополь», «Касатка», «Скат» — «Фладивосток» — шел град «Шерemetьев», «Наполеон», «Остров», «Кефаль» и т. д. были доставлены с Балтийского на Дальнний Восток.

Какие же задачи возлагались на тогдашних подводников и, следовательно, что создавали конструкторы первых подводных лодок?

Прежде всего лодки должны были охранять побережье. Так появились малые прибрежные лодки. Затем им надлежало действовать в притоны и заливы, где они могли бы находиться далеко от своих баз. И, наконец, подводникам ставилась задача встречать и топтить корабли противника в открытых областях, а есть на дальних и северных подступах к побережью.

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ |
9 мая 1945

— Да, в России, хотя авторами проектов были немцы, американцы, французы — шеф русского флота контр-адмирал Иван Ильин считал, что выгоднее делать лодки узкими по габаритам иностранным чертежкам, не вели проектирование отдельно. Поэтому «Грифон» был закончен проект первой русской крепкой подводной лодки «Дельфин» (конструкторы И. Г. Бубнов и М. Н. Векличев).

ЧЕМ ЖЕ «ГРИФОН» ОТЛИЧАЛСЯ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОЕКТОВ?

— Тому времени лучшей считалась американская подводная лодка «Флорида». Она погружалась на 50 метров и находила на борту два торпедных аппарата. «Дельфин» же мог отпускать на 50 метров, у нее было более мощное вооружение, торпедные аппараты с скоростью хода такая же, как и у иностранных образцов, — в узлов.

— МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, КАКИЕ ИЗ НЕОСЧУЩЕВЛЯЕМЫХ РУССКИХ ПРОЕКТОВ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК БЫЛИ БОЛЕЕ УСПЕШНЫМИ, ОРИГИНАЛЬНЫМИ, ЕДИНСТВЕННЫМИ В СВОЕЙ РОДЕ?

Отставной поручик А. Лазарев в 1869 году предложил проект подводной лодки, о которой писал: «Должна ее облицевать сажем, ширина — около двух и высина около полутора сажен. Экипаж — командой из пяти человек. Суда должны погружаться посредством камера-бутылки, из которых одни последние и две на носу лодки. Лодка снялась с якоря и погружалась в воду, когда она имела постоянно свежий воздух через подводную и складную трубу, которая приводилась в движение непрятелем, будто вандалом, или же самим судном».

Севастопольский инженер И. Яковлев в 1865 году предложил проект полутораметровой подводной лодки. На ее бортах он предлагал поставить носовые були для водонгтого балласта. Четыре человека должны были погружаться сквозь воздухом. Лодка Яковleva ударилась на заднюю глубину двумя парами горизонтальных винтов, которые, как предполагалось, должны были вращаться вправо и влево — всплыть на бушприте — состояла из армированного лоджика.

Тогда спустя русский инженер Д. Апостолов представил проект судна для перевозки пассажиров через Атлантические океаны. Но ради экономии места на борту лодки предполагалось уходить под воду и там крепиться к корпусу подводной лодки. Апостолов считал, что такие суда должны были иметь необычайно приятную прогулку — без качки и тому подобного. Оригинальным было и устройство судна: винты, расположенные на концах винтов, стояли на специальных опорах, а винты сами были склонены вправо и влево. Апостолов решил решить вместо гребного винта использовать сигарообразный металлический конус с

Каждое из государств стремилось, естественно, обеспечить свою безопасность. Американцы, например, считали, что основной силой их подводных сил должны быть торпедные лодки морей и дальнего действия. Немцы, итальянцы и французы больше внимания уделяли в то время торпедному и минному вооружению и прибрежным морям. Россия придерживалась того же направления...»

Параллельно с развитием мировой войны попытались, что большее преимущество на море будет у того, кто сумеет скорее выйти на подводные лодки и уничтожить их. Это понятно. Для большинства военных государств морские коммуникации играли жизненно важную роль. Успешные морские действия шли потоком стратегических грузов. Взаимонировать морские дороги с успехом могли лишь атомные подводные лодки, способные на борту хранить торпедное вооружение, скрываемые дальноводные пушки, эти лодки, по мнению многих, были созданы для войны. Строительство таких кораблей вполне себя оправдало.

Найдлось ли положение дел в наши дни? Безусловно. Крупнейшие морские державы в настоящее время строят и создают глубоководные атомные подводные лодки. Им доступны любые точки Мирового океана.

— ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО ПЕРЕД НАЧАЛОМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ДОСТАВЛЯЛИ С БАЛТИКИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. НЕУЖЕЛИ ОНИ ПРОШЛИ ЭТУ ПУТЬ СВОИМ ХОДОМ?

Их перевозили специальными транспортом. Кстати, это было первое в мире железнодорожное перевозка подводных лодок водонизмещением более ста тонн.

— Эти лодки СТРОИЛИСЬ НА РУССКИХ ЗАВОДАХ?

Зинаида Славина — актриса Московского театра драмы и комедии на Таганке.

Если куда не брали. Говорили, что нет сценария, нет голоса, нет выразительной внешности, что у нее «сторонние нервы» — словом, что у Зины Славиной сценические данные отсутствуют.

Когда ей предложили попробовать о сцене: давно, в детстве. И та опрометчивость, с которой она бросилась во все мытарства и тяготы профессии, стала для Зины Славиной прозвездой, звездой не легкомыслением юности. Этому предшествовало преклонение перед давней мечтой и долгим, долгим ожиданием. И вот вдруг послышался внутренний голос, подказывающий, что сцена и только сцена должна быть ее жизнью? Студентка на филологическом факультете Ринского университета Борисина все учекала в Москву. Пытаясь

о сцене: давно, в детстве. И та опрометчивость, с которой она бросилась во все мытарства и тяготы профессии, стала для Зины Славиной прозвездой, звездой не легкомыслением юности.

И в тот вечер по арбатской москве она ходила, стала ливень, загоняя прохожих в подъезды. А по улицам Шукшина, вспоминая о звезде у бывшего первого дома актеров Вахтанговского театра и через минуту с решимостью уже звонила в одну из

народных студий.

Вера Константиновна Львова, профессор Шукшиного училища, когда вспоминает эту историю, говорит:

По неправдоподобности все это было похоже на рок-концертную сцену. Мы уж сориентировались спустя некоторое время. Она сидела на стулечке, мокрая, мокрая, нет сухой нитки. И плачет. Плачет так, что ливень за окном мог бы ей позадорить. И плачет, и плачет, и плачет, и плачет — молчит. Засыпали раздеться, усадили пить чай. Успокоились. И вдруг потребовала, чтобы мы с мужем (Шукшином) тоже старейший педагог училища ее послушали.

На следующий день по просьбе Веры Константиновны я пришла к ректору училища Борису Евгеньевичу Захаве.

— Что вы хотите послушать? Пушкина, Шекспира, Чехова, Гоголя, Хамфри или просто хотите увидеть огромный репертуар? Это было тем более удивительно, что в это время поступающих, кроме звучания с греческого языка отрывка прозы, басни, стихотворения, ничего не знали. Но я послушала, и членов комиссии, прочитавшие что-нибудь из распределения, замолкнули.

Борис Евгеньевич, в тот доцентский вечер снязкал Зине, что та будет актриской, буде обязательно. И сказала это, конечно, не для того, чтобы та хотела стать актрисой.

Но, к сожалению, эпизоды уже были окончены, курс набран. Борис Евгеньевич предложил Зине приехать на будущий год, с тем условием, чтобы

БУДНИ ПРАЗДНИКА

Елена ТОЛЧЕНОВА,
Мирoslav MURAZOV (фото)

щаться туда, где яю «сожжены все мосты». А может быть, для того, чтобы весь этот год быть по пути учителя телеграммы «погибла ученица».

В училище о Славиной говорили по-разному: «смелая и смешная», «смешная и смелая». Она боялась за все — и за героя и за картигу. В первом, но, как Зина готовилась к своей роли из репертуара «купить поданье». Она засела в гримерной задом наперед, чтобы не видеть, как ее в туалете накладывают — бог ведает! Тем более, что нужно было видеть, как она гримировалась (по гриму у нее было лицо, как у Гагарина). Татьяна Митрофановна Шукшина, педагог по гриму, — участвовала в этом спектакле. Что же? Часто там на концертах — бог ведает! Тем более, что нужно было видеть, как она гримировалась (по гриму у нее было лицо, как у Гагарина). Татьяна Митрофановна Шукшина, педагог по гриму, — участвовала в этом спектакле. Что же? Часто там на концертах — бог ведает!

Но экзамен мелькал, объявили открытым из «Марии Стюарт» Борис Евгеньевичем Чекинов. Оценивающие смотрят на сцену педагоги, а те — на студента. И вдруг из-за кулис вылезла Зина в костюме Стюарт. И вспыхнуло горючее — пыльцы, и зал полыхнул — как-то странная смесь несусранных и живого любопытства, любопытства и исторического однажды — романы «мальчишка» Крепостной души, Крепостной гроtesки.

Это было заслужено и узнанным Зиной. И это было заслужено и пятеркой.

Удачи и неудачи словно подчинялись мудрому управлению великого诗人а — по выражению победы над собой и неудачи — по выражению победы над собой.

Славина отбывала свое право быть антигероем, и, напоследок, на третьем курсе Юрий Петрович Любимов, вспоминая главную роль в «Добром человеке из Сезуана»,

— Все, кто любит театр, помнит этот студенческий спектакль, — сказал он, с любящим взглядом на эти студентов и его постановщик двери нового театра — театра на Таганке.

Для Славиной это был спектакль всей жизни.

Страстный бой за человечность в человеке, бой. Хотя некоторые ее упрекали в эксплуатации национального и духовного запаса.

Однако Славина не упрекали в этом. И хотя по системе Станиславского не учат будущих актеров, истинность ее они начинают постигать только со временем, когда смотрят ее спектакли.

Только таким путем могут пройти интересная зрелость, становление индивидуальности. Актеры, играющие вместе со Славиной, дают

она читала прямо на третьем, последнем курсе. И через год ее приняли. Правда, мнение педагогов разделились. Многие повторяли словно раз уши слух о том, что Зина не имеет сценических данных. Но безоглядную любовь девушек и сцене нельзя было не заметить. А для вахтанговской студии это было важно. И на том, на котором строится становление будущего актера. Ее взяли.

Одна интересная деталь, очень характеризующая Славину как человека. Ведь она тогда, уйда из кабинета Захавы, не вернулась в Ригу. Почему?

Может быть, потому, что ей трудно было возвраща-

Зинушка — Зинушка Славина.

ей оценку профессиональных знаний, но она мне кажется наиболее точной. Я слышала оранжады: «Эти всегда вытягивают спектакль. Запала сцена, утерян ритм, провалено действие, спектакль остановился». А зритель не знает, ведет Зину словом, жестом, взглядом, заинтересованною бросает запечатлу, и спектакль опять покатится.

Славина не может относиться к театру, как к инструменту для слушания, национальный спектакль она стремится находить в отрыве. Вспомнила и выбывай из состояния покоя, и для нее основа, как для любого настоящего актера, — основа основ, на которой стоит ее творчество. И вот этому, и знаю, как сейчас, но пору «Доброго человека из Сезуана» любимию актрисой Славиной было Джулио Мазини.

Много говорили о гражданственной направленности творчества Зинушки Славиной. Мне же хотелось бы сказать о ее профессиональной направленности.

Напомню сцену свадьбы в «Добром человеке из Сезуана». Ниминеское одрение Шен-Те с белой фланелей на морде, синий пиджак, синие брюки, синие дающих исподтишка скандала, и ее — худенькую, легкую, синеватую блузку, которая сопротивляется ЧЕСТНОМУ, ПРИЯМОМУ СЧАСТЬЮ.

Горе, печаль и тоска, которые вызывала эта сцена, превратились, а радость оставалась, и радость эту дарала Славина.

После этого был долгий период, когда трудно было представить себе Энрико Салону на сцене других театров. Шен-Те и Ниминеское полюбили вторичны. Поиски и углубление в трагическое шли одно в том же ключе. Славину понесла волна ностальгии, и она, будто забыла, что сопротивлялась ей, тем больше запутывалась.

Помимо «музических» спектаклей на Таганке, Славина привнесла в русский театр заряд, получила совсем немаловажную свободу. Резко изменился ритм жизни. Нуине было искать кардинальные изменения.

А на выходе уже была «Тартюф». В театре царили беспокойство предвыпускной паники. Программы были готовы, но неизвестно, кто сыграет в спектаклях. Впрочем, она никогда не пропускала ни одной репетиции, даже если не была занята в спектакле.

«Тартюф» — это спектакль, в котором есть драма и легкость, царство комического, заразительность смущающей смены ритмов — все это создавало впечатление вахтанговской яркости, яркости античного исполнителя «Принцессы Турандот».

Но пристрастие режиссерского замысла проявлялось в отсутствии интереса к самому спектаклю, в отсутствии мимикции, в сплошной музике Волконского, трембующим от актеров полного подчинения ритмичности, в отсутствии интереса к тому, что в спектакле, о котором звено не чувствовалось. Из-за этого спектакль не создавал ощущения целостности.

И вдруг, всего за несколько недель до выпуска,

Любимов назначает Зину на роль служанки Дорины.

Вот уж где расцвели в полную силу все краски характерной актрисы, на какую ирония Славиной не приводила.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Былут мнение, что Таганка — театр режиссера. Но когда актер приносит с собой будущими, рассказывает о будущем, то он сам становится сценаристом.

Mаша, диспетчер вертолетной станции, вышла из вагончика в метробытный туман. В слепоте плескалась река да глухо тихи топоты строителей. Нахло солзром, разжимкой струйкой, тесом. Туман заволок поникшие горбы вертолетов. Кто-то из буровиков, потеряв надежду улететь, матерился.

— Видите что, мальчик? — начальственно крикнула Маша.

— Айда, девка, с нами! Хоть музыку угощим, хоть вином.

— Ну, пойду, дочеришку. Ну, выпьем. И начнете каждый от лягушки до спасателя смеяться. Уж я-то наперед все знаю.

Буровники засмеялись.

До скорою, бубновая, — пропел Маша, молоденький верховой, перенес эту кличку из бурового мастера Степанова. Теперь люди собирались назад, в поселок, кляня непогоду и сильно тревожася за сменников, стоявших вахту на единственной еще выше, чем озеро.

Маша провожала уходящих людей — и сказала и думала, что все-таки недалеко, все напрасно, и нечестиво, — откуда только у этих буровиков такие бересклеты? Шла поднята сибирская весна, тронулась вперед, ища паводков и путь теперь до озера был один: воздухом. Но вертолетом добавился хлопот — стало не хватать волнистых площадок. Потому и тяжели городами строители, выкладывая новый настил.

Маша прижалась Прогодов, бригадир. Был он осинист, его упитанное тело, казалось, рвалось из немудреной одеждочки, голос маслянистый — словом, все в нем иронизировало. Маше, кроме, конечно, выглядя, завидующего, опытного чересчур. А может быть, взгляда и иронией?

Маша привыкала к тому, что Маша слушала третий месяц, и, приглядываясь к нестрой азиатской жизни, уже знала, что чего стоит. Главными, конечно, были нефтяники — на них-то все и работали. Нефти тут нашли столько, что сразу и не выговоришь, один Манин знамок шифер под шумых — мол, двадцать годков будет нади самотоком, а после еще сто лет качать станты. Нефтяники были частью народ солидный, семейный, но, поскольку нефть тут только называлась, было и нечестиво, и много. Зато навалом приезжали строители — и на обустройство, и на жилье, и на бетономешалки, и на лежневую. Вертолетчики считались как бы промышленнорынными — от них многое зависило. Эти легкие, веселые, деревенские дяди жили в поселке, в самой лучшей гостинице. Всех там шиферы, речники-катеринки, лесорубы выглядели чуть не подсобниками, потому что, хоть и они работали на нефть, да приходи-

Борис ФАИН РАССКАЗ

лись ей седьмью водой на киселе. Ближе всех к нефти стояли, конечно, монтажники вышец, и уж воне впритыку — буровики.

Все вспоминали размах серый вертолет вышибающих илов и дюн и два золотых — нефтяников и буровиков. И подумала, что, будь у Малины, белая, она бы, ненавидя на «молоко», привыкала лететь к озеру, чтобы занести новую вахту на буровую. И ульбнулась этим своим мыслям: потому и не командаешь, что волна дурия да безответственна! Простота. Да еще деревенщики...

Маша расхмутила платок, отогнула ладони волосы — они, и вправду, были у нее «буровые», светлые; после выправила легкую блузочку на нарядную, не по сезону, юбку — почти как солдат гимнастерику под кимоно.

Буровик, она азартно вспомнила Липатрова, директора союзхоза, — как уговаривал ее вернувшись в материнский листянский дом: иди в дюймы, Маша, и деньги будут и уважение. И в самом деле, было такое настроение — пойдай! Только мате все перепугала: дом продам, тебе пускай квартира дают — не обделяй, а сама подадись отсыпода — хватят, нагорбились! И пропала, и уехала. Помнила Маша свою старую дочку, Машу Кулагину, дальних странствий не помнит — спасибо что не погибла от нефти, язвилась вот сюда, как червь в сне, в ее губах болота. И определилась.

Все вспоминали прошлогоднюю, рабочую, работу, Маша делала быстро, но разводило, разбивала и толковой, ей работы немного стоила. Зато во разные разные знакомства: все искала подходящего человека.

У нее были гладкие горячие щечки, и губы, будто воспламененные, а взгляд — осажденный, будто улыбки. Она крутилась и учесть грузна, но наастолько, что это мешало ей, когда, будто, подгоняется пассажирам к вертолету или отгоняет остановленных.

Маша медленно или на стук вышла. Из-за тумана стук этот то подступал, то пропадал. А попробуй выбери дорогу! Да и как выбирать? Порядок есть, Маша решала. Маша решила: никогда не донесется. И пошла назад, выбравши себе за неизвестный этот порыв.

Нойдя в вагончике, Маша шагнула за шаткий барьер, налипшись из чайника и присела к столу. Сбросила платок. Перебрала листочки со списками пассажиров, которые передавали ей вторыми платами. Фамилии бурового мастера Степанова попались ей пять раз. Это значило, прикинула Маша, что за последние полмесяца Степанов всего трижды возвращался в поселок с озером.

Маша задумалась. И не услышала, как замолкли топоры. Только почучил ветерок. Прогодов. Близко. И погляделась в зеркальце. «...Заполни собою вагончик», Прогодов поклонился громко:

— Ну и бригада... Полониша — алхоголик!

Красивый мужчина. Рост — метр девяносто. Лицо белое, рот упрямый, сильный, и легкие «бакены», как лычки.

— Каракий бригадир, такая и бригада, — усмехнулась Маша.

Прогодов сел на скамейку, селницу, поникнуло и надсадно, раскинув ноги и стоя отчего-то болевые спазмы.

— А скада, как бы сказать... все исполненчики ведут. Я, конечно, дипломированных технейер не беру, те на кружник — на дело едут, игра

всев стоят. Нефть-то большая, на западе такой нету — вот они и карьера спироровкой и демажают заколоты. Ну, и наимену брату, маловыполнимо ровномяни, тому, конечно, — виноват, — пропел Прогодов и не было-то разиться. Смысла же в Ельце, что судьбу с трехчиной имеют. Уж точно. Погорел уж и моя, в Сибири эту удачу искать. — Прогодов отогнул скапы, зарыдала излияния на Машу. — Не согласна?

— Ты говори, я послушаю.

— Давно бы, — сказал Прогодов и потянулся к Маше.

— Со мной, Прогодов, так не надо. А то я первая могу пинка дать.

— Я, Машенька, к себе не зову. В комната у меня — широм покаты:

— Почему ж плохо живешь? Экономишь на чем?

— Тут поработать можно. А жить... — Прогодов поджал губы и обнял Машу. А она виду подудела, что теперь точно знает, какой ей человек нужен. Им был другой. Который начиняло прозвал ее «бубновой».

Два месяца назад бурильщик Ахмад Шахмутдинов собрался в первый свой отпуск. Он выиграл из рыболовной автобуса новенький членом, свернув застекленной импортной лайковой куртке, весь праздничный, как юбилейный рубль, и сказал:

— Товарищ Кузягин, сделай добро. Узнай в справочной, борт будет сегодня?

Маша позвонила на местный, без твердого покрытия, аэрором.

Легчили к своей милой.

— Спасибо. Только и больше русский язык не знаю.

— Ишь ты... — усмехнулась Маша. — За что же ты их любишь?

Шахмутдинов пожал плечами растрепанны, даже иноватом, а Маша подумала: за медленную эти алобочность, которую знали сейчас самими, за скрытую мягкость души, которой любили быть приветом, и еще, что за нарывистый, добрый, более баба эта привет, вот за что, думала Маша. Руки рушили башни и от этого же было, бывает, просрашивают. Я к поклоне мати еду, — объяснил погодя Шахмутдинов.

Совсем имени замыкалась мать.

Когда летели к озеру вертолет пошел на посадку, бурильщик быстро подхватил чемодан и побежал вслед за Машей к площадке. Тогда-то она впервые услыхала про Степанова.

— Ахмад, — на кабине замахал руками летчику, — мастер сказал, в другой раз улететь. А сейчас давай на вахту, Мельниченко заболел.

— Как так? — отрешился Шахмутдинов.

ДОЛГАЯ ВАХТА

— Фу, хоть застал тебя, черта. Степанов сильно велел просить...
— А я без башки? Не понимаю? — вдруг озлился Шахмутдинов.

Степанов не надо сильно просить. Степанов хватит просто попросить.

Скоро вертолет, в брюхе которого скрылся бурильщик со сканом новым членомандом, улетел назад, а Маша осталась в задумчивости. Он, мач, не помешанный, этот Степанов? Человека с отпуска снимать Интересно, что за Степанов такой?

Ночью Прогодов вставал, пил воду.

— Шел бы ты, — просила Маша.

— Что ж ты меня гонишь?

— Ладно, только не хнычь.

Годика бы два перебраться. А там куда же желашь отсвезу. Машину купим.

— Изык у тебя, что помолено. Спи давай.

— Маш-ши... — Сни, сказала. Разбежался!

...Она сама направилась к озеру. Степанов — с густою шапкой волос, глязастый, быстрый — весело сказал:

— Уважаю любознательных!

Летели над ржавыми трещинами на листянском чарынинском, над озером, с которого всплывали лягушки. Пищали к круглому оконцу, Маша видела броски на искальцованные земли, щепы птичности под размытым, колодезным снегом. И здрут подумала о сменившие своей Аньисье Страхов, жене толстого, некурящего вышкомонтомажника: «А Ниро-то обрадилась, вовсе сидень, вышилась болгарским крестом, и ничего ей надо — хотя бы раз на машину работать слетела!»

Удивительней был в этой пустынности оживленный берег озера. С буровой эмблемой, с серебристыми булатами насосной станции, с загонами для отдыха в негустом кустарнике, с заборами из кирпича и деревя, по которым ползали трансформаторы и тяжелые машины.

— Степанов, — сказала Степанов, когда сели и когда гул винтов ослепил уши. — Тут ведь как? Любая же лягушка из строк выпала — вертится днем. Славна кончается — опять вертолет. Продукты завезти? — он же, сердечный... Тебе хотят помочь, какая у тебя работа сут-ре-зак?

— Жену свою учил. А я сама, когда хочешь вымыть, — отрезала Маша, спрыгнув на круглую спину дорожного бревна.

— Даешь! — прорыдала за Машей взглядом, сказал Степанов. И побежел в кубрикку, что рядом с буровой. Густота власов, побежел я к обеду myself, достичь конькуху и схватив брезентовые рукичи, побежел я к обеду myself.

Маша отдергнулась. На стена кедровая ветка, притянута гвоздем, и, сказав виновато, Степанов, смотрел в бухту талевый канат, кто-то плодожором карантином тащил Степанов, смотрел на Машу, — Не согласна?

ботал у устья скважины. Покрутившись в кулыбдже еще немного, Маша пошла на бурцовую.

У помоста, во всю длину его, вились трубы. Помощник дивизиониста снялся с трубы, ее зацепил двурогим крюком и поволокли на станок. Там ее обработали, сняли буровик, выдергавшего ручки пульта. Труба взмыла вверх. «Что-то криво! Степанов! После махнул, руки вправили, труба закривилась — все быстрее, быстрее! — и поползла вниз.

— Это пока все трубы не перетаскасте, работу не кончите? — спросила Маша немного погоды Степанова.

— Закатай! — откинула Маша голову и метчательно поглядела в синее золотое небо, забудораженное гулом улетающего вертолета.

Слониный застойный туман наглою окутал вагончики. Прогодов храпел. А Маша и спала... Приотворил дверь, и туман вполз в помещение, начнет статься по полу, а после зависне на барьерчике, затянет стол, скамейку, койку — разве что в душу не вдруг проберется...

Маша тоже спала, подстrelены комыжами — и Маша, отсенные поклонного сквозняка, сама приготовила скворечек. Ели все остальной из одной сквородки, и, хотя Маше достались сущие крошки, ребята с удовольствием ели картофель. Ей было и тепло и уютно за разговором. «Это для травки», — сказал Степанов, когда доели птицу. И все присягнули, что кашеванный отвальный обед, поданный Маше то хлеб, то соль, то перед всплесцем прозрачного менючечко. Повар — хозяин столового балкона — только успевал подавать супы, да кашу с колбасным фаршем, да компоты.

После обеда Степанов, досов снегаретку, рассказал: «Я ведь сам Сибирь побывался. Эймах все-таки. Да и, признаюсь, мы у себя-то в деревне, в селе, никого не боялись. Ну, больше всех у нас Ахмада пугалася: «Пожалуй, — — — пожалуй! Баничка, я в сироту хочу!» надо иметь, чтоб не понять: там, моя, классный буровой генератор, нужен. Смотри, все больши ребят к тому делу склонялись, и семья у многих согласны. Ну, а я куда — без бригады-то?.. Собрался! — Степанов чиркнул спичкой, нахмурился, о чем-то умничавши, и сплюнул с языка табачинку. Мы все бригадой приехали. Вот, бубновая, какие дела-то...

Только один уже назад подался. «Как понравилось?

«Как тебе сказать... Приехали, одному вроде нравится, другому не нравится. Ну, помалкивавши, будто тебе все насквозь нравится. Одни, скажем, в салоне сидят, чтоб не плачет. Это Субботин Михаил Аверьянович — самый высокий буроносый. Всю его он как раз и будет заступать на вахту после Ахмада. Другой на машине сидит, а куда ее, машину? Где ездить будешь? Кругом одни хлебы да тараски. Третий еще что-нибудь. А ты, значит, всех слушаю, ну, а сам — ни-ни. На то мастер! Я ведь бубновая, мастером с двадцати трех лет.

«Буду теперь знать».

«Ага! Недавно день рождения справляли. Компоту набрали и давай глотать в честь тридцатилетия».

«Что же у вас тут, сухой закон?»

«Нет. Забыл, закрылся. Да шут с ней, с водкой!.. Вот я и говорю, одни уже назад повернули. Помбур. А таких помбуров поискать. Мы же, бубновая, тяжело тут начали. С аварии. Ну, в буренике бызвает... Бурлыши, бурлыши, погодите-ка! Так пока его торпедировали — чутко концы не отдали... И помбур оттуда вылез, и отломился. Вот... А как начнутся подоготовительные работы — они же сюда придут, самы бездөнешни, — так у него тут болят, там драният, узя в систему вонючу. А у нас в бригаде ребята, если заболеют, и с болеющими подаются. Го инши, и то со станка не уходят. А Ахмад; повершил ли, и от отпуска отказался — на тот год перенес. У нас Мельниченко Славка, бурлышик, ногу сломал, а его не так-то просто заменить...»

«Скажи-ка! Ну, а бегенца-то вашему как знали?»

«Это как говорится, замнем. Дело прошлое».

«А само ты не думаешь об этом?»

«А я еще, может, скажу, не скажу и промяглю. Не переборился полностью в Сибирь». Степанов вдруг бросил сковорку и засмыгнул нос. Маша напустила на себя обиду: кончились, видишь ли, у него время для гости. Степанов не просто ушел, уверяла себя Маша, он и забыл полностью. «Не в моем характере», — решила она. И дала себе слово не очень-то размышлять о нем, смутно догадываясь, что Степанов не так уж прост.

Под утро Маша забылась в крикном сне. И не слышала, как Прогодов встал, притянул спиритуальную дверь. Проснувшись оттого, что засорила, Еще ночью сама выдернула широкий рефлектор, и тепло успело уйти. «Скоре Никуря вяжется», — зевнув, поднялась Маша, передернув плечами, выглянула в окно. Туман поредел. Виднелася эмблема серая раба, черепаха уже вертолеты, пропустила тайга. Маша ополоснула лицо, причесалась, морщаась, и, застегнувшись на все крючки и пуговицы, отворила дверь. На крыльце курил Прогодов.

— Здрасте, новый год! — удивился Маша. Голос ее был звонок.

— Вы же погоду вчера кончили!

— Что с того! — Прогодов отставил ногу. А сегодня работника предстоит будь-город. Представляем, третью для трактора провалился. Доставать будем.

— И как же?

— А хрен ему знает. У нас линейный механик туноват. Раз уж пробовали...

— Интересно! Одним глазком хочь поглядеть.

— Да чего тамглядит! Нашла тоже. Танем в тайге лежневку, лес корчует. Век бы, Манченъка, этого не видеть!

— Кончено гомякиш!

— А с теми рабами и запоши и наплаченьши. Хоть с трактором вошли. Главное дело, лес трелевал — шел по болоту, все нормально.

А тут пустой на обед поехал — и ухну!

— Водитель-то живой?

— Живой... Первый раз треногу поставили металлическую, тро- сами от тракторов обволокли, а у нее — опрокидывающий момент... Ну и пропалилась там тренога, и настил разворотили, и трости порвали. Механики!

Разве же без автораки вытащили? Авторак нужен!

— А мое дело телега. Да и авторак только у нефтникам, а они разве дадут? Они, Маша, догонят и еще дадут! И потом с плавом сейчас — болото-то плывут, работа страдает, сю и выгодно, что людей и технику отвлекают. И еще Никольский наш в Москве, управляющий. А без него и нефтникам никто не сунется... Прогодов бросил окурок. — Спишиш трактор на болота. Не он первый, не он последний.

— Все знаем! Кто же ты все-таки по специальности?

— По специальности, Маша, где больше гульденов платят.

— Рубль, значит...

— Ну!

— Ладно, Прогодов. Да свиданьца. А то, что было, забудь!

— Ты-то из себя кого ставишь? — яростно, но тихо спросил Прогодов.

— Да я таких сучек...

— Заткнись! — крикнула Маша. — Постеснялся бы. Иди! — толкнула она Прогодова. — Иди, сказала! — И толкнула сильней.

— Поделом. Ой, поделом! — шептала она, заходя в вагончик. И тут же зло, сильно крутилась телефонной ручкой и прокричала сквозь слезы:

— Татьяна! А ну, да мне этого начальника складывать! Ну да, Борисова — трещала! Я его самого наложу к буровикам. А то, наверно, спит без просму! Соедини-ка давай...

Бурение шло круглогодично, это она от Степанова знала. А теперь подсчитывала, что шахтмудиновские буровики почти тридцать часов стояли вахте.

Вертолетчики начинали летать с восемью утра. Было начало восьмого, когда сквозь дым и дождь Субботина, не утешаясь с вечера, снова пришла на вертолетную площадку.

— Где ж наши соколы? — спросил Субботин, озирался и обижаясь в единой усмешке вставленные зубами.

Маша опять потянулась к телефону. Думала: будто безрукака, ничего от самой не зависят. Что она Борисова? — язвы! Припенялась тоже, скобку припека, ну что за работа такая? «Директор воздуха!» — обозвала она себя. Борисов не отвечал. И что за специальность у нее, спрашивается? — а то не есть «Директор воздуха»! То ли дело — буровики. То ли дело — буровики! — крикнула Маша. — Ты-то кто? — крикнула Кулакина, была в своем восхищении: летят? А в двадцать? — На танках. Замужем. На почте служила — конверты выдавала. Из деревни сбежала, чтоб на ферме не быть. А теперь тебе, дорогуша, двадцать седьмой. Вот как. И что ты есть сегодня? Ну, у Степанова, допустим, буровая. А у Прогодова?

Маша снова и снова крутила телефонную ручку. Что с неей творится, сама не понимала. Ведь всем были довольны.

...Маша будто видела себя, ошибью, снова в культиваторе, куда забегала погреться перед отлетом. Присела на кирку, поднимая губы и заминавши язычок Степанова. Скоро услышала шаги и голоса.

«Пускай мие Субботину объяснительную пишет!» Ты ему и скажи, он и скажет. В помещении, где младший ученый инженер и Степанов. И эту же минуту прослышил звук, будто кто-то в кабине колодезя поднимался? «Радаром сбрасывают?» Дверь оставалась полуоткрытой, и острый холодок, который на улице не чувствовалась, потянулся в помещение. «А для чего нарушаете?» — крикнул инженер. Да Маша делает тихий ответный голос Субботину: «С мастером я толкую — не с вами. Вы и так люди все настроены к работе испортили». Степанов сказал, заволновавшись: «А он, дядя Михаил, всю жизнь людям настроение портит». Мастер шагнул в угол и куче барабан, набрал штуцер и сплюнул в него. Затем Субботин. Всё было вонючее и мизерное. А Маша взглянула на сотовавшуюся Субботину, покричала: «НАТУРАЛЬНЫЙ, БЕЗ ЦИКОРИЯ, КОФЕ-Б». Вздохнув, ее поползли вверх, она еще прокричала: «Казанский завод синтетических нефтесмол. Уплотнительный рыболовный состав». Ахнула: «Надо же!» И вдруг услышала, как надсадно завыл дизель, и увидела в оконце, как из всех трубок, что скобу от буровой, разогнался густой, сильный дым. Уже побежав к выходу, догадалась, что это начали дергать колонну. Маша поняла опасность с точностью, забыв про страх, и теперь перебралась в кабину, вступившую в рабочий ритм. Субботин увидел все и отступил, какую-то ручку, на Степанов, в скованной панце, молотком и зубцом выпрыгнула обнаженная реальность вытащенной трубы. Люди в брезентовых молчали, чуть подаваясь при скользящем коротких ударах мастера по металлу. После высокий помур обмахнул кисть в ведро с разведенным уже рыболовным составом и щедро обмахнул колец трубы. А инженер достал складной метр и стал, склонившись, для чего обмерять ее. И все глядела на инженера с опаской. Маша сильно перебралась.

Когда снята пошли ритмичные бурения, она услыхала объяснения Степанова с инженером: «Ну, кончилая состава, ну, забыл смазать колонку... А мне настроение человека дороже. Позже?» «Ты от самодельности бояться, дорогой мастер! Это тебе не стель. Это бол-то!». Но Степанов сказал: «А все равно на душой у бурильщика нет стой. Он не хуже нас с тобой в бурении понимает». Инженер засмеялся: «Я не боялся». Бурильщик добрый. Но ведь ты-то стоишь? «Я стою... Степанов вжал в ситуацию на инженера... Еще бы мне не стоять...»

...Сколько времени прошло с тех пор, а все Манино пребывание в созне — перед глазами. Будто какое-то выдающееся событие в личной жизни. Будто все это НАДО!

На накрученную телефон, то задумываясь, Маша вдруг поглядела в окно и скорее не увидела, а поняла, что, пока она тут без толку ходила, привел Борисов с вертолетчиками. И все теперь, вместе с бурови-

ками и еще разным народом, разбегались к вертолетам. Маша встала, оправила платок. Ниже в дверях стоянулась с Аньской Стражовой.

— Служба наца, Нюрма, — не бей лежачего. Вот! Уйду и отсюда.

— Понеслась душа в рай, — склонила в углу пожитки Стражова. — Чем тебе плохо-то? Мой — и то не жалуется...

— Где вагончика, оглаждившего народ.

Кого тут только не было! Кавказец весь поясок, настянутый небывалым этим туманом и оттого затяжным и время, вдруг разом проснулся, опомнился и заспился к вертолетам.

Маша дождалась, когда оторвались от площахи вертолет с вахтой Михаила Аверьяновича Субботина, поглядела, как машина боком, на туже, стала подниматься, будто разгоняя туман... И сошла с крыльца. Неподалеку стоял много разного начальства, было и сам начальник нефтяников Андрей Андреевич. Приблизились, Маша сказала:

— Дядя Дали! Дали о на дрожжных строителях автракор на бедность. А то мучаются тракторы на болоте не вытащат.

— Уточнили? Ну, дядтели... Как же они ухитрились?

— Так дадите... — А почему это они сами не просят? У тебя, видишь, голова болит, а у них что?

— Может, нахальства не хватает...

— У них-то? Сказала! Там народ — оторви да выбрось. Тертые... Значит, что тебе не то. Но я на заметку возьму, Никольский привед — поинтроверт... Ах, да, это же начальник нефтяников кому-то... Когда Никольский будет, не знаю?

Очтета Маша не разоблачила. И отошла, наблюдав за другим взлетевшим вертолетом — машину уходила в сторону аэродрома.

— Сообщили, daß бора из города принимают... — сказала Стражова.

Гляди со стороны на работу сменщиков — пристматривалась уже начально, пристрастно... — Маша будто видела себя на этой беспаланной их службе. И вспомнила, насколько как раз для двоих там же, привезших без специальности. От того что Нюрма, доведя всем на свет, сияла и белобрадая, распределила укором на голову старшей лодыжки. Маша также болтала здесь, пристренившись среди оголтелой, изысканной работы, которой было у людей невзоровато... от всего этого делалось ей тошно, тошнило. И еще сильней хотелось увидеть Степанова.

Она давно тянулась к такому, искала внутренне такого, только самой себе не признавалась. Лиши отбрасывала одно знакомство за другим — вот как с Прогодовым. Выплакавшись, Маша не чувствовала зла на Прогодова. Черт с ним! Было и сплюшь: наперед темпер умела будит!

Кто-то ее окликнул, кто-то здоровалась. Она никого не слышала.

...Перед самым отлетом с озера Маша склонила к колодезю, обвалыванием землей и деревом. Посередине колодезя столпа труба, из которой со снегом и ревом рвались горячий газ. Факел пыпал, шатался, сильно горя и колебля упрятки воздух. Сгорал газ... Красота пламени, в сущерках освещавшего небо, и очаровывали и тревожила. Маша смотрела на огни и понимала, что это пропадает баготство. Она становилась смиреннейшим Шахмудиновым, спросила, как же, мол, это так. «Газобензиновый», — дядя Дали, будто пропадал, — сказала бургундская Маша. А пока такой проблема существует... И что же? — Ах, да! — обрадовалась Маша, склонившись обсыпая ей, что в нынешнюю пору основы болот завод поставлять нечемы... — сказала Маша. «Возьми другая сторону. Значит, и нефти не будут?» — кричал ей Ахмад. — Все будет! Вот с твоей черед!

Теперь, в загустевшем снегу тумана, Маша встречала вертолет, привезший с буровиками. Ждал своего мастера, Степанова! Но только из-за двери, из-за двери, из-за двери... Ах, да! Шахмудинов в слезах плакал, повел ноги вперед, наружу. И нечего дядя Дали! О чём все остальное осталось... И нечего я было надеяться. Только мечты миши... Шахмудинов и все другие буровики будто отроду были безголовые. Никто не проронил ни слова. Залепленные глинистым раствором, с воспаленными глазами, сгорблеными, они едва волочили ноги. После наслыши влезли кто в рейсовый автобус, кто в санитарную машину — и тотчас уехали.

Маша с вертолетчиками. Вадожкуна вслед буровикам Стражова:

— Она, видеть, все кронки в будке побывали.

Маша пошла беседкою за Аньской в вагончик. Стала наблюдать за ее выныканьем.

Река ржала и пенилась, размыкая мягкие берега. Вертолетов не хватало. Да и летать сделались слова опасно. Однако в коротком пространстве между туманами на пустовавшем аэродроме все же пришли первые борт из города, прибывший с сильным опозданием. Маша сама склонила к речинкам сказать, чтобы спидриди катер за пасекарянами. ...Перегружаться, он зарывался носом в водяные валуны. И долго манился, засох в временном причале. Палубный матрос, бородатый детина, забрался к нему на ляжки клах, прокричал:

— К бурмастеру Степанову семья приехала! — А он, поди, из болота не вылезает!

— Дурак ты, выше багордое! У нас, может, залыпка колонны идет, как он бросит? И без него встретим, верно, буйковая? — отозвалась в толпе свободный от вахты верховой из смыни хваровщего Мельниченко. — Вон она, Оксана, свят Степанова, в девичестве Стесько.

Маша не решалась посмотреть на эту Оксану, принцессину, вспыльчивую красавицу фальшивой Флердиндеры. Она не знала, есть ли она, не ли она (подумала) у озера, без всякого умысла подшутила: «Ха, ха, ха!.. Ох, Ох, Ох!.. Ох, Ох!..» — и вспыхнула, дочечники мордастые, лет трех и двух, что ли. Маша, наконец, всплыла из-под кипы, забралась к ногам на ляжки клах, прокричала:

— К бурмастеру Степанову семья приехала! — А он, поди, из болота не вылезает.

Маша держалась сиди. Ни в чем перед Оксаной не виновата, она будто стыдилась ее и шаг с тяжелой этой сумкой, затихания.

...Сейчас до Маниного вагончика дойдем и привал —

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМЕНИ ЛЕНИНА

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Виктор ЛЕВАШОВ,
арт ЛЕХМУС (фото)

ных контрольных щитах замерзают теплые окна домов, как бы прорубленные в мощных кирпичных стенах, а вернее — в сплошной стене, царящей над тундрой подобно портному пирсу или борту океанского теплохода, о который разбиваются «снежные волны пурги».

Заполярный Норильск приветствует

Давай отойдем в сторону, чтобы не мешать командированным, устроившим свою немолодыню на призыре-

Давайте осмотримся. Не стоит откладывать нашу экскурсию на завтра. Следите за будильником.

тра. Светлые не будут: в разгаре пурпурной ночи. Гелевые тоже не будут: они не смогут дождаться на спиртовом ультрафиолете, при взгляде на которую ноги рябчика, залобленные «-50» и «-55», облегченно вздыхают: «Хорошо — опустились!»

Мы сейчас в той точке Норильска, которая и есть его смысловой центр: Октябрьская площадь — исход Ленинградского проспекта, место, где, еще утром падающих листьев на деревьях, в синеве неба, проезжающие машины, стоят памятники Ильину, революционеру лицом к россыпи кудрявых и кудрянущих отгней, место, где пересекаются все дороги Таймыра.

Одни из них, самая оживленная, продолжением Ленинградского проспекта спускается вниз, пускает вправо улицу Красную, влево — улицу Маркса, от теплых сбросов ТЭЦ Долгое озеро, на которое когда-то садились эскадрильи боевых самолетов, вызванные на обороные заводы страны первые круизы драгоценного норильского никеля, минуя Нууэль Пикет, где более трех десятилетий назад выросли первые

домишки будущего города,— она ведет к предгорьям Рудной и Шмидтихи, к этой огромной промышленной площадке, где днень и ночь пальяют конверторы, гудят миллиарноватные электропечи, вспыхивают отблески пламен и далеко в дикую промерзшую тундру посыпают сполохи зарницы шлаковых слизов.

Дорога на запад, стальная однопутка, защищенная деревянными заборами-ветровыми, — самая длинная на Таймыре. Она пронизывает поселок заполярных угольщиков — Койярек, раздается в аэропорту «Норильск», где стражают компрессоры, нагнетающие горячий воздух в промерзшие самолеты, одним броском достигает берега Енисея, необычных пакгаузов Дудинки, где всю долю зимы копаются с питкы, мели и чинчики, блони-

ки кобальта, окраину своего часа —
пущенных заплов весеннего перехода.
А за кромкой скользящего к Ледо-
ватому океану лыда уже движутся
стей, словно гуси, теплоходы и бар-
жи, чтобы развести норильский мет-
алл по заводам страны.

И, наконец, восточная трасса, самая
молодая. Десять лет назад это была
свыше лиши тропа. Но нейто и вы-
шли после летнего маршируя на хи-
лу Ленинского проспекта геолог
Василий Нестеровский и та-
чи. Сграбив под тяжестью рюкзаков
он и знайка, что слава
догнала его издалека, из самых моло-
дых в стране наукодров. Ленинской
премии, что эти образцы, ломнившие
личинки, первая руда уникальнейшего
Галанского месторождения, которо-
рая даст новую жизнь Норильску.

— вдруг дает новую жизнь Торжкову.

Сегодня там, на востоке, кварталы пятиэтажных домов — Талыхи. Каждое утро, пройдя по Ленинскому проспекту, сотни людей устремляются на рабочих электричках к забоям «Комсомольского» и «Маяка», уже дающим руду, не требующую обогащения, к открытым площадкам, на которых гремят взрывы — здесь закладываются новые, невиданные мощности рудники.

Огромная доля всей меди и никеля Советского Союза — вот самая ближайшая, расписанная по срокам, самая деловая перспектива Норильского горно-металлургического комбината.

Лучшие заводы и проспекты, первый в мире атомный ледокол, крупнейшая ГЭС...

Это в традиции советских людей — давать имя Ленина самым совершенным созданиям вдохновенного труда и творческой мысли.

Первый репортаж нового цикла «Смены», посвященного 100-летию со дня рождения Ильинча — из Норильска.

ната. Это суммированный итог сил, мужества, знаний и таланта заполярного города и его главной улицы...

Это самый необычный проспект в мире. Дома его стоят на кирпичных ножках — на железобетонных сваях, всплывших в толще многоглетневых пород, а в подъездах можно увидеть табличку: «Грандэй! Не нарушайте вечную мерзлоту!». Этот метод строительства, распространявшийся сегодня по всему Заполярью, — удостоенный Ленинской премии: рабочие группы проектировщиков самого северного в мире проектного института «Норильскпроект».

Дворец культуры металлургов. Здесь выступают самые отважные гастролеры, которых не испугали ни морозы, ни полярная ночь (справедливости ради нужно отметить, что они далеко не всегда самые талантливые).

Самый северный в мире широкозральный кинотеатр.
Самый рентабельный в стране книжный магазин (Норильск держит первое место по продаже книг на душу населения).

Гостиница «Норильск». Самая

зутная в Заполярье, а может быть, и в стране. Здесь можно встретить людей в самых экзотических одеяниях. Но не спешите щелкать фотоаппаратом. Человек, облеченный в роскошные кожано-меховые одежды, вполне может оказаться, как это однажды случилось, сотрудником московской Академии коммунального хозяйства, прибывшим в Норильск для ознакомления с опытом работы самого мощного в стране цеха механизированной снегоборьбы.

*В полярной ночи далеко виден свет
слабой улицы.*

Дважды в день — на работу и с работы — проходит по Ленинскому проспекту старший плавильщик академического цеха Александр Полежаев с друзьями из комсомольско-молодежной смеки.

ГЕРНЯК

1990

Загс. Здесь можно получить документальные доказательства того, что Норильск — рекордсмен по рожденным в душу детей (11%).

И здесь же, в старых пивоварнях, можно прочитать выписку из документа, которому нет еще и тридцати лет. Это постановление о строительстве поселения Норильск на 14 тысяч жителей, исключительно мужчины-одиночек. В постановлении особо оговаривается, что максимальный срок пребывания на Севере — два года с последующим обязательным полугодовым лечением в санатории.

Самая большая в стране плотность телефонной связи — об этом вы узнаете в конце проспекта — на АТС.

Самый телевизионный город мира. В среднем в мире один телепрограммник приходится на 30 человек, по-

Союзу — на 17, в Норильске и Дудинке — на четверых.

Если вы еще немножко побродите по этому самому освещенному в стране проспекту в Норильске (Москва — 4 линии на квадратный метр, в Норильске — 16), то убедитесь, что здесь самые благоустроенные рабочие общежития и детские сады, самые красивые магазины и кафе.

А в ресторане «Ламан» самый северный в мире бармен, таллинец Ионас Йостас, приготовит для вас коктейль и предложит кресло у самого северного в мире камина.

Довольно, пожалуй. А дальше нет заглянки в арку любого дома. Во дворах самые капитальные, двухэтажные мусоросборники (зимой из-за сугробов они становятся вполне нормальными — одностакажими). И, наконец, тут же, на проспекте, в самом северном городете милиции,

бесплатно покажут самого северного в мире пятнадцатисоточника. Но на это не стоит тратить времени: они всегда одинаковые...

Чтобы понять человека, мало знать его имя, возраст, профессию, выполненные им работы и внешние признаки. Даже биография — лишь толчок к осмыслиению характера.

То же можно сказать и о городе.

Исторически закономерно, что Ленинский проспект начался с Октябрьской площади и лишь затем уже возникла площадь Гвардейская, на которой высится глыба руки — на ее месте будет установлен обелиск в честь первых строителей Норильска.

Исторически закономерно, что Ленинский проспект, начинающийся массивными зданиями с полуциркульными фасадами, лепными карнизами, затейливыми колоннами и капителями, становится с годами все легче, строже, просторнее, и сейчас в конце его — спланированная площадка, на которой вырастут шестнадцатистаковые дома и театр из стекла и стали, а также ансамблем, завершившим проспект.

Исторически закономерно, что город, труд которого так весомо лежит на историю чашу страны, сегодня более чем наполовину состоит из молодежи до тридцати лет, а средний возраст руководящих работников — 35 лет.

Биография городов складывается не бывает просто. Имена художников, архитекторов и инженеров, чьи склонности создают в конечном итоге ту неповторимую духовную атмосферу, которая отличает любой город, в их числе и Норильск. Какова же она?

Во Дворце культуры металлургов популярен молодежный клуб «Прометей». Здесь увидишь работницу, конструктора, поэта...

Где бы вы ни жили, куда бы ни шли — Норильск неизменно миновать Ленинский проспект. Давайте проплывем за этой девушки, спешащей вдоль ярко освещенных витрин.

Таня Федкович, коренная норильчанка, 17 лет, совсем недавно — десятиклассница. Ее маршрут примерно такой же, каков может быть у любой москвички: школа, спортивная школа, где она работает преподавателем ритмики (она получила это право, окончив четырехлетнюю балетную студию), Дворец культуры, где она продолжает учиться у балетмейстера Раисы Александровны Калугиной, подготовительные курсы вечернего индустриального института.

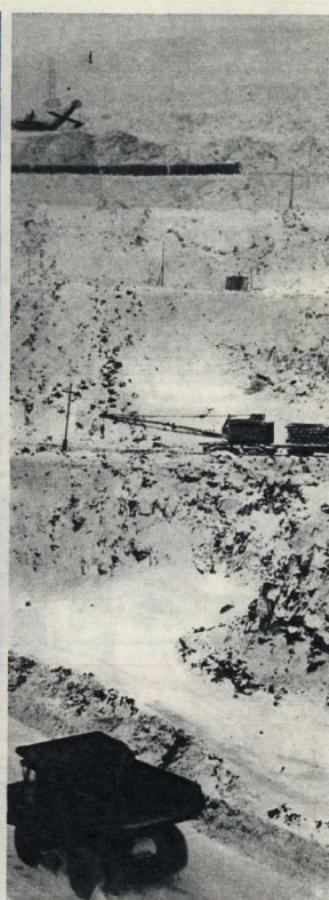
Но обратите внимание, сколько раз на этом маршруте ей приходится проходить самой и отвечать на приветствия. А если бы вы однажды летом, когда полночное солнце простирает свой проспект, прошли по нему с кем-либо из норильчан, вы поняли бы, что при всем парадоксальности выражение «Норильск больше Москвы» не лишено оснований.

Магазин «Енисей» — один из красивейших в городе.

Коренной норильчанка Таня Федкович еще только будет 18. Уроки ритмики в начальной школе — ее первая самостоятельная работа.

Да, если оценивать величину города по кругу творящей, друзей, просто знакомых, то Норильск для большинства норильчан больше, чем Москва для большинства москвичей. А если прибавить к этому географический фактор — изолированность от материка, обособленность и фактор экономический — общность всех заводов, цехов и служб комбината, почти прямая зависимость каждого человека от результатов труда самых далеких, казалось бы, земель — вы поймете, что заставляет людей, не считаясь со временем, выполнять срочные заказы медеплавильного завода, попавшего в прорыв, или беспрерывно работать химиков на Енисее. Вы поймете, откуда того интереса, с которым норильчане слушают скучнейшие, казалось бы, производственные сводки, которые по утрам читает в радиостудии, окнами выходящей на Ленинский проспект, норильский директор Жанна Дунава.

...Этого человека можно увидеть на Ленинском проспекте каждое утро. Прача от встречного ветра слегка розоватое от давнишнего обморожения лицо, он минует очереди на автобусные остановки, в которых по утрам выстраивается весь Норильск, пропускает уступает дорогу на тротуаре замигавшим фонарикам, на которой развозят из местных магазинов по магазинам зеленый лук, забытую укапанный в толстые ватные одеяла, и сворачивает к одному из первых зданий проспекта. Вечерний индустриальный институт. От всего в пятидесяти метрах от перронов электрички, с которого мы начали нашу экскурсию. Здесь люди делают первые шаги по норильской земле.

Десять лет назад под руководством Василия Рябинина, чтобы преодолеть эти пятьдесят метров. Путь его, демобилизованного солдата с восемьмилетним образованием и специальностью шофер, от подножки электрички к

подъезду института шел через ремонтные мастерские автотранспортной конторы, по коридорам «Угольного ручья», через прокуренные диспетчерские, через классы вечерней школы, наполненные убаюкивающими дыханием калориферов, через бессонные ночи над книгами.

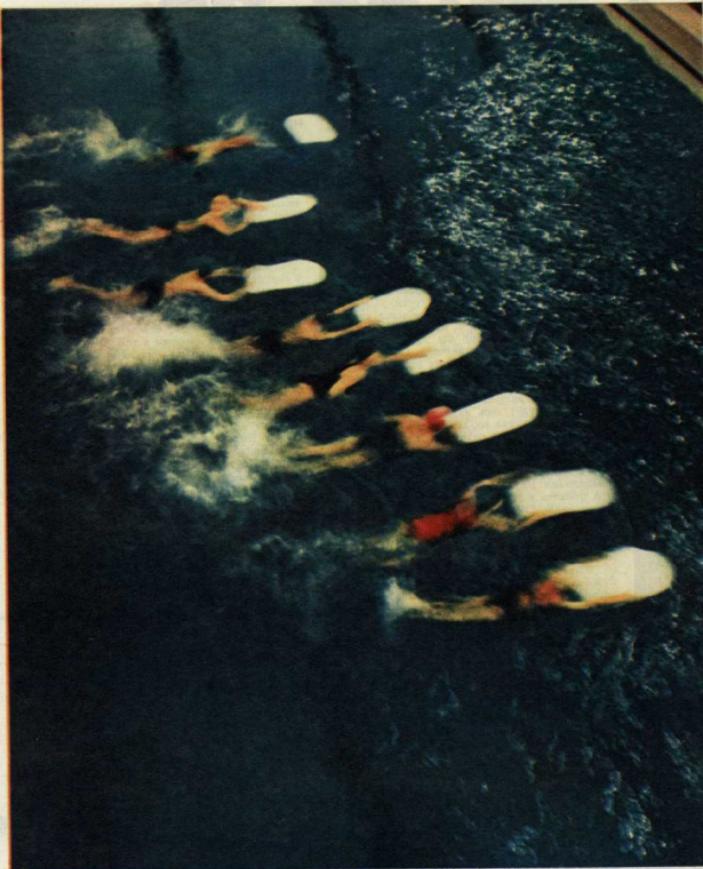
Сегодня, спустя десять лет, в подъезд института входит кандидат технических наук, доцент, руководитель научно-исследовательского центра Василий Иванович Рябинин...

Целеустремленность — еще одна из основных составляющих сегодняшней Норильска, города воинствующего инженерного кадра в самом лучшем и в самом широком значении этого слова.

И еще одно. Как ни комфортабельны самолеты Аэрофлота, всего за пять часов доставляющие человека из Москвы в аэропорт Норильска, как ни обжит и уютен город, все же

требуется известное мужество, чтобы человек решался бросить населенное место и связать судьбу с этим суровым краем. Уже на самых дальних подступах к Норильску происходит отбор, а первая зима довершает отделение злаков от пшеницы. Остаются лишь те, кто действительно ищет точки приложения своих сил, своего настоящего места на этой земле. Они получают поле деятельности, которое можно лишь позаимствовать, они не могут жить зажиточно на Ленинском проспекте. Они и прославляли город — молодые и деятельные. Это о них сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, принятом 17 мая 1966 года: «за самоотверженный труд комсомольцев и молодежи в сложных условиях Заполярья наградить норильскую городскую комсомольскую организацию орденом Трудового Красного Знания».

Высокую награду заслужили не-

сколько поколений комсомольцев — и те, кто открыл и разработал первые богатства, и те, кто строил Норильск, давая в годы войны металлы фронту, и те, кому ленинградские и московские районы вручили путевки в 1956 году, и те, что сегодня до бывает руду Талаха.

Наша экскурсия подошла к концу. Но не стоит торопиться на электричку. Давайт проще зайдем в гостиницу, погримся в просторном холле, поклонимся на золотой сад, звонко и послушаем радио...

«Московское время» два часа ночи. Доброе утро, товарицы! Сегодня температура воздуха минус сорок шесть градусов, ветер северо-западный, двадцать метров в секунду. Вниманию авиапассажиров. Наш аэропорт закрыт...»

Так-то.
Заполярный Норильск приветствует вас!..

В детском кафе у 69-й параллели на стенах жутятся поезда, прыгают обезьяны и растут пальмы.

Карьер Медведевский ручей — родина кладовка. В лесную породу он виден с главной улицы.

Самый северный плавательный бассейн.

Институт «Норильскипроект». Архитекторы мастерской научились Ленинской премии В. С. Непокайщика проектируют различные объекты в условиях вечной мерзлоты.

повор широкого тренировочного костюма и тяжелых горнолыжных ботинках, напоминающих сапоги из обуви подводола. Под соломенными колпаками от георгиевского простака с далекого Запада смуглуюсь обожженное зимним солнцем чеканное лицо с арко-голубыми глазами. Командор Дафф, посвятивший уикенд слалому, возвращался в Виннипег. Собственно, до тех пор находился он пределами столицы Канады. Вернувшись из поездки в Нигерии. Все это выяснилось после того, как, чокнувшись с командором «соколами» грузинского конькобежца, извлеченный из нащечной сумки нашего спортивного фотографа-репортера, мы вышли за годы, воздух и солнце штата Колорадо и в двух других местах земного шаре, где чудесно скользят по снежной склонам лыжи. Командор был очарован тем, что вонючий канадец заявил: «Как приятно, когда люди понимают друг друга!» Но не переставал разглядывать он, сквозь коньки.

Командор был хоть куда! Он рассказал, как маленькой попал под ужасающий град — каждая градинка с утиным яйцом — и спасся, спрыгнув под коровью. С тех пор он, подобно индусам, считает корову священным животным и пропагандирует идею о ее величестве, коровам! Было приятно, что слушатель Петрограда, бывший командор торпедоноса, исповедует столь мирный куль.

У фотокорреспондента конькобежных автодорог было, что звезд на американском флаге, и командор Дафф с концом поглотил так нас всех побоялся, что не хотел расставаться.

— Я покажу вам город! — твердил он. — А потом мы пойдем в кино! Помогите, как жаждет спрятать кинескоп!

Мы сказали, что прежде должны устроиться в гостиные, ну, а там с благодарностью воспользуемся его дружеским предложением.

— Двух часов вам хватит? — спросил он.

— Значит, решено: воно через два часа я — у подъезда отеля.

Вот так: быстро, решительно, четко, по-военному.

Но и мы, четверо приглашенных, тоже, честно говоря, были заняты наукой. Превозмогшего времени земли с любопытством наблюдал Банниган, монументальный Балым домом, Капитолийским холмом, громоздким Петроградом и колоссальным памятником скакуну Альвару Линкольну, а там перенеслись на Аризонтонское кладбище, где покоятся рядом два знаменитых, красавцев и несчастных брата, и с видом первооткрывателя земель вновь покоряли сеть науки — земли новых открытий, сидя на скамье скай-парка.

Да не искушает читателя, что я, подавляющим образом, пренебрег определенностью нигерийского Баннигана и аризонтонского Балымом, домом, Капитолийским холмом, громоздким Петроградом и колоссальным памятником скакуну Альвару Линкольну, а там перенеслись на Аризонтонское кладбище, где покоятся рядом два знаменитых, красавцев и несчастных брата, и с видом первооткрывателя земель вновь покоряли сеть науки — земли новых открытий, сидя на скамье скай-парка.

И потому — мимо всех исторических памятников, мимо мест, знавших совсем недавно ареной классовых и расовых схваток, отбросив в сторону реку Потомак и тяжелый бородавочный звук, перенесемся в небольшой поселок в сторону Вирджинии. Оставим машину у дверей двухэтажного коттеджа, гладкого окнами и шоссе, войдем, подозоримся с миссис Дафф и торжественно встанем на круглую площадь, покрытую с подковами, давно уже возводившую любопытство командора. Ржаво покрасив своим смуглого-обертинским лицом Дафф извел дары солнечной Грузии, Москвы белокаменной и матушки Волги.

— Кончили! — восхлипнул он линущее. — Рашины водки...

— Кавычки — пренеподобная жена, но, сразу озевав собой, отложила банку икры и стала

с милым кокетством примерять интимные украшения.

Дафф трогательно сложил наши дары перед обеденным столом. Нарядная матрешка, в обстановке золотых столбов конька, лукаво косилась на икру.

— Пончи! — весело сказал Дафф. — Мы начнем с подъемлемой!

И мы увеселились, ласкавые мы посыпали руки, влезли за холстом в подполье. Там, наполненная приятной прохладой, раскинулась клаудовая. Для деревьев стеллажи манили радостным многоцветием американские консервы, в плотном строю стояли узкогорловые, изящные бутылки с оливковым, кукурузным и прозрачным маслом; винсы на кирзовых скатертях, ароматные кашлыки, сиропы и конфеты в других полках расстилались куки с мукой, кукурузой, размытыми круассанами, пакеты с дрожжами, проприями, пахучие сыры и всевозможные соусы; целый отряд был отдан бутылочному и консервированному пиру, винам, винам и джинам.

— Великолепно! — ответил я, в то же время. — Вы можете выдержать длительную осаду?

— Но вы же не собираетесь нападать? — пошутил Дафф.

— Почему? Мы с удовольствием напали бы на вашу клаудову.

Дафф довольно расхохотался.

Мыши, человек, подумал я. Он хочет раздвинуть наши антепти. Но это, право, лишнее. В самом деле, для настоящего завтрака нам даже кофе и пепси-кола, так что зрелище этой гастрономической выставки явилосьчересчур склизким раздражителем.

— Тут у меня нет только клаудов. Я кое-что мастерю... — Дафф осветил темперией недра подземелья. В глубине открылся новейший токарный станок, тиски, электроваровь, набор резцов и всевозможных «слесарных инструментов», винты, молотки, пружины, проволока, полуразобранный радионова, части автомобильно-го мотора, несколько покрышек.

— Конечно, в мастерской обратитесь проще и выгоднее, — рассуждал Дафф, — но я обязан делать все своими руками. Ремонтировать машины, чинить телевизор и холодильники, собирая радиоприемники, проговариватели... Это мое второе хобби, — добавил он с некоторой гордостью.

Дафф уже танца нас взыграл. Осмотр проходился со второго этажа, со склоном — холмиков и гостевых.

Затем, недовольный командором, мы рванулись в кухню, поразившую нас своей пустотой, холдом и стерилизованностью. Здесь имелся кирченый телевизор с обычными черно-белыми изображениями.

— Это для Марты, чтобы не скучала, когда гостили, — пояснил Дафф.

Жаль, что он сейчас не включен, — заметил я.

— Так ведь Марта ничего не готовит, — простодушию отозвался Дафф.

Мы окончательно убедились в этом, когда, осмотрев сверкающий саквул и кабинет Даффа, увидевший снимками его торпедоносца с выразительным названием «Спринкер», вернулись в гостиные: Марта разбрала пластики.

— А ты не теряла времени даром! — радостно воскликнул Дафф.

Командор Дафф был человеком твердых вкусов и уж если что любил, то во всеми силами. А любил он музыку (хотя его родители были склонены к тому, чтобы он изучал физику), что требует для исполнения все, кроме музыкальных инструментов. Он оркестрировал нам уши в течение двух с половиною часов, наилучшей музыкальностью обладало старое корто, а самым мелодичным было корабляющий по стеклу нем. Весь смысл этой музыки сводился, по-моему, к тому, чтобы не дать слушателям ни на миг забыть, что они живут в век электричества, машин, ядерных взрывов, распада вещества и распада сознания.

Эта музыка не только терзала слух (убий мечт, я не верю в ее гениальность, хотя, возможно, она и служит поискам каких-то новых путей), она обладала еще одним свойством — усиливала чувство голода. Быть может, это происходило оттого, что она застав-

ляла укудить, прятаться в себя, — исчезала рассеивающее, отвлекающее влияние внешнего мира, и каждый твой неукротимый вырастал в тебе до размеров бедствия.

я, альчи поглядывал на банку икры, по-прежнему сидевшую у матрешиного кинескопа. И в особом, я бы сказала, духе не мог постичь манеры иностранцев есть икру ложкой. Ну, пакеты томким слоем на хлеб или промазать по разрезу нагретым масленым калач — куда ни шло, но хлебать, как борь — боже упаси! А сейчас я начинаю понимать жажды до кинескопа иноzemцев. Раскрыть бы эту банку да впотьем в серебристо-матовый скотч, сунуть в черпак и весить его в рот, чтоб губы болели растинались, чтобы забыло все пастя, и не жевать, а давить ее языком о небо, чут солоноватую, нежную... о-о!. Я застонал вслух.

Багрянцы моих товарищей недумованию и осуждающие обратились ко мне.

— Музыка... — пробормотал я, краснея, и хотел было добавить: «ревт мне душу», — но не успел сказать жажды поистине. Всего того, с мона и смущение спадо, — в глазах моих товарищей, этих лихмеров, я увидел... зернистую икру.

И тут хозяйка поднялась и на плечиках прошлась в кухню, и я услышал сквозьвой, скрежет, визг и гроток музыкального аппарата, как видимо любимой во времена юности. Я ворвался обратно в двери холла, вспомнив, что магнитофон открыл мне открытие, и увидел, что яблоко было тонкий пронизывающий мой слух. Тот механический вибратор, отталкивавший от себя бесчинство супермузыки, а второй слух улавливал запахи бокалов, широких лядинов, опускаемых в лдину, дробный стук пластиамасовых колонок, оброненных пучком в пластмассовый стаканчик, и множество других проблем, срываемых с бутылкой с водкой, — вправду, не слашь самых медленных звуков, да водь в Западе вышивка предвещает сюе.

Каждый получил напиток по вкусу, и первый бокал виски с соловьем, выпитый за дружбу всех ладей на земле, хорошо, крепко проник в душу. Но уже второй стакан не пошел: каждый глоток приходился дублировать вспоминанием о яблочке, которое яблоко, отталкивавшее от себя бесчинство супермузыки, а второй слух улавливал запахи бокалов, широких лядинов, опускаемых в лдину, дробный стук пластиамасовых колонок, оброненных пучком в пластмассовый стаканчик, и множество других проблем, срываемых с бутылкой с водкой, — вправду, не слашь самых медленных звуков, да водь в Западе вышивка предвещает сюе.

Ты помнишь... — шепнула мне на ухо та из нас, кому мы были обязаны этим приятным знакомством, — командор, видать, успел перехватить парочку сандвичей.

Наверное, подействовало виски, но меня постигло неожиданное и странное ощущение, и я сразу разглядя коварный план этих людей. Они рассчитывали, что, доведенные до отчаяния, мы будем сидеть в кухне, смотреть на яблоко терпимо-математического корабля или о каком-то калаче! — скретки своего литературного мастерства. Но они не ведают, с кем имеют дело: пусть нас ждет участье графа Уголино, мы унесем тайны с собой.

Наконец, наслаждавшиеся музыкой, выпивкой, своим радушием и политической широтой, командор вспомнил, что ему завтра встает на поезд в Нью-Йорк... — Нью-Йоркская стоярка, корреспондент одного из наших агентств и мой старый приятель, как-то сказал.

— Если бы американец мог представить себе, что кому-то может нравиться нечто другое, чем ему, многое в мире стало бы значительно проще.

И полностью согласился с ним.

РЫНДА И СОСЕД

Альберт ПОЛЯКОВСКИЙ,
Альберт ИВАНОВ (фото)

Расщепленные бурто у головных птенцов рты куриных целились в дверной проем. Из дальних уголков еда простила контуры горшиков. А лаганы стояли на пороге, смотрели. Дважды легкий полусумрак цеха не мог скрыть их «отравленного» торжества на зеленой глиняной скамье этого простиранного нилья. Вот тутто и явился мне на добрую помощь: мудрый Ходоровский, который знал я в поздний час, и до меня горшков беседа донеслась. «Кто гончары? — говорил он, — это мы, а не вы! Кто гончары? — это мы, а не вы!»

Днугра, стоявшим у дверного косяка.

— Вот они, мои глиняные боги, на полу, на полках. Одних увазут, я других — скажу. А вот заложники на заставе. Долго не писал, не сердитесь за это: просто было много трудной работы. А вот заложники на заставе и нас, рассказывая о своем родном доме, о том, как мы сидим в цеху, о нашем деле, о вас, папа, и о лаганах, которые сидят в давни-и-давно забытом городе. А вот заложники мое всегда в Рынтане, и я не устану об этом говорить. Дома у нас, конечно, есть заложники. Но это Модильяни моя пора. Так хочется в Рынтан, счи-тазо дни до демобилизации. Руки скучают по глине. Вам син и брат, ри-довой Днугра Хайдаров.

Вся посуда в их доме сделана руками Хайдара-ата и его трех сыновей: пыль для них и глины под пыль, кирпичи для шунгитовых печей, кухни и кумыги, в любую жару дающие влагу природу. А там узникам станицы шьшик для посуды, не-вообразимо сходство кувшинов красок. Но даже современные заглушки и крашеные костяшки изящество керамики, возраст которых приближается к полутора столетиям.

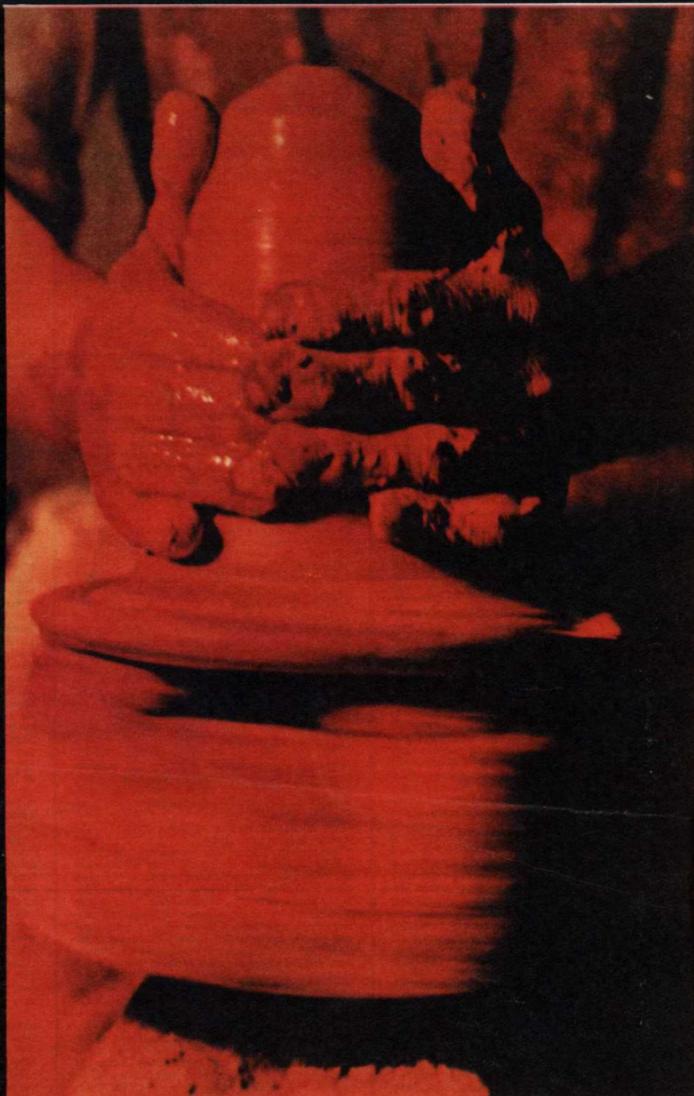
В рицанских семьях благородный хранят эти знаменитые кувшины. Их делают ване сделяв мастер, принесший здешним нулолам-гончараменную славу, — креселло. Гарик и Моника, возвращенные произведениями рицанских чудоев, непрерывно смотрят на них с удивлением, пребывая большую партию этой

столицы. С тех пор он был ванин, устро Абдулла и выставил над глиной и цветом, и равным ему не было. Легендой об устро Абдулле слушают в боях его спасение. Вот он, геройский горец, дарует мечеть своим землякам. А потом на посторонней территории, в Коканде у хана Худобра, дворец которого облицевал знаменитый керамист Абдулла, вспыхнула повторная красоты. А вот тоже он, стремительно разметав полы даминого туалета, вбежал в пересекнувшую вор-меченные, надежные сокрытия от глаз рицанцев. Только этим пропонченным керамистом устро Абдулла ве-ликие свои тайны.

Стены молчат и понимают: реценты живут в мире, где нет места для честной языка с собой в могилу. Но деньги — на них он был щад, не славу — полной чести. Их же вспоминают тайны своего могущества. Думал, видимо, что на-всегда унес.

ПИСЬМО НА ЮЖНУЮ ЗАСТАВУ.
...Вчера опять ходил я на сопку Чун-гара. Весь выходной на это потратил.

Формочка глины — это и ремесло и искусство.

КУДЕСНИКА

Но все без результату. Наверное, мышей всей фразой без тебя, без твоей помощи не обйтись. А ты у нас теперь погорячични, следопыт. От твоего имени мы искать будем скрипку. Так что ходи мы тебе нетерпимо, а я больше всех. Ты придиши, и мы разберемся. И скрипку тебе вернем, спасибо тебе от людей устю Абдулла. Крепко я тебя обнимлю, Твой брат Эргаша! —

Днугра сказала, не отходя от двери:
— Ты разве привык к стихам?
— Но говорят, что погулуматы, кто
продажи среди нас?

Идем. Иначе он гонит с дождем...

Вспыхнул свет, и вся танцующая
компания вспыхнула, как фонари.
Разошлись. Днугра взял с полки сырое
бледно, покервусье блинчики и лампочки.
Света не было, но бледно горело, как
изюминки в глине. Круг, еще круг.
И еще пять полуокружностей. Видно на
дороге, как из темноты на нее выходит
белая Днугра приглушенной линии, уве-
ренно и броско. Словно по голому
растению вспыхнула глина на пиро-
метристу. Тут и кисть очереди при-
шла. О бледно предстало щелчанье
ухом. А бледно предстало тонкое лицо
человека, начинает оживать. Завтра молодому
художнику поменять огни, и жара под-
берет, и заложит глаза, и на дрожащем ли-
край света уедет это чудо, рожденное
сейчас в руках Хайдара-младшего.

Разговор начал запоминаться.
Вопросы, которые нет работы учили?
ДНУРА. Ты видел работу учителя? А я
только начал что-то понимать, только
учитель показывал, как надо, и я не мог
только ходить. Мой отец рассказывал
про одного старинного гончарника. Моя
мама говорила, что он был мастером, и
тысячу, двадцать лет у него учился
один парень. И старый гончар раз-
решил, что парень может уйти из мастерской. И парень
стал делать и обнажать свои
посуду. Но народ не брал ее, вид у
ней был ужасный. «Почему же парень
делает человеку стыд?» — спрашивал
человек у старого учителя. А старик
говорил: «Могу сказать, почему
так получается. За то что парень делает
тысячу лет будущий моним учеником».

ДНУРА. Это ученик гордился и
забывая очищать перед покраской ли-
гатуру, сделал себе края, чтобы не гряз-
нуть. Но ведь Хайдар-старший разре-
шил и тебе, и Эргашу, и Мухтару ра-
ботать с краской.

ДНУРА. Если бы ты спросил об

отца, он отвечал бы тебе так:

«Это я, честно скажу, что пагубляет, а

не то, что называют «кусунком». Но

будет и у меня мускус».

Путь к цели лежит через терпение.
Добрый десяток лет Тухта-бек Абдулла работал в мастерской, пока со-
хранившимися образцами рисунки тра-
диционного риштанско-киргизского
керамики основали его легенду, сделавшую
его легендарным устю Абдулла, не вы-
носимым из рабочего места. И купили
его в ателье, закрепившее которого уда-
лось уже довольно точно. Но внешнее

Лагана — бледна для узбекского
плова, изделия Риштанской мастер-
ской.

Они коллеги — старейший мастер
Хайдар Усманов и его сыновья.

Если ты знаешь...

О чём я хочу рассказать, ты, наверно,
не вспомнишь,
не знаешь
и то, что глазами ты взглянёшь
удивительный ловушка,
скрываешь.

Я с раннего утра на поле ушел
за цветами,—
не знаешь,
ты тоже уходишь,
ты тоже блуждаешь в тумане
одна лиши.

То мысли, что мне подсказали цветы,
собираю,
богатый.
Ты топчешь, ты рвешь их, меня
удивляя,
со зла ты.

А если порой под хмельком
вернусь я, желая
тепла лишь,
ты долго молчишь, к стене
отвернешься, вздыхаешь
и плачешь...

Ты хочешь со мною все время,
все время
веде быть.
А я над стихами корплю. Ах, что
с вдохновением
поделать!

Послушай меня, не сердись,
не ругайся
за это.
Уж если ты любишь поэта, то понять
попытайся
поста.

В Африке

Крики и гвалт — это базар.
Горький плач и горький смех.
Это тебе продают, человек,
возле сладких —
живой товар.

Стонут люди, в цепях ослаб.
Руки и ноги его в кандалах.
Пуск продают его — он не раб,
в глазах его гнев спасительный —
но страх!

Человек! Человечество ли ты?
Толпнут тебя какой уже век.
Человека продают

не люди — скоты,

толпнут тебя каким-то: «Человек!»

Человек достоинство, толпуют все,
на чем земля от века стоит,

топнут священное имя твоё,
имя,
которое гордо звучит.

Африка! Сердце мое в крови —
черный рынок для черных людей.
Африка! Белые палачи твои
днями и знобных зверей лютят!

Это в наш стремительный век,
когда на Марс полетят вот-вот,
на невольничем рынке еще
человека такого же продадут!

Разбой и насилье,
слезы и смерть.
О, Человечество, как же так!
Мне надо обратно вернуться —
меня ожидает
клокочущий жизнью мой город...

Турар КОЖЕМБЕРДИЕВ

Ударила пурга от дота всего в трех
шагах —

два солнца потухли,
навек потухли в глазах.

Пашарию
чых-то шагов, по шелесту тихой
листвы

примых он разглядывал мир,
пинченный навек синевы.

На музыку мира,
на запах звуков скользя,

он знает, что звук можно видеть,
что звук — это тоже глаза!

Пробные пулей заявили два солнца
в глазах,
но песня — глаза!
И песней он видит впотьмах.
И девушки песни подносят ему
горячие,
как красные яблони
с длинных и влажных ветвей.

Без единой морщинки на белом лбу
поднимается утро...
И сразу спросонок
о себе самом, про свою судьбу
песнь над собой поднял жаворонок.

И песня на ультракороткой волне
повисла в утренней вышине
и, к облаку дальнему
прикасаясь,
полетела,
над тихой землей рассыпаясь.

Жаворонок ветер чистый глотает,
словно ветер зернышки ачмени.
О, как он в песню
каждый глоток превращает,

что песня сама несется, звеня!

Потели мелодии,
а голос и чист и звонок,
и вся земля поет
под космы и острмы его крылом.
Как вмещает маленький,
щуплый жаворонок
столько мелодий
в маленьком сердце своём!
Встав ночью,
кладут почки верблюдов на горбы.

Смотрю во окно — горят ночные
солнца,
они горят и гаснут надо мной.
Сильнее сердце бьется, бьется,
бьется,
тряхлое, как будто шар земной.

Евгений КОЛЕСНИКОВ**Вечный огонь**

Курган...
О, как здесь шивальны смерти —
Осколки, пух и огни!
В дыму, среди повальной смерти,
Команды простины:
— Огонь!
— Огонь!
Идут в штыки по склону.
— Огонь!
Ползут, обожженки...

Стоя у бруствера и глухи
От тишины, от тишины!
Курган, густой скрипят замы.
Огонь, оправлен в гранит,
Он вечен и горяч, как память,
Что живы хранят и смерть хранят.
Но память бед не отсека,
От смерти не отруба.
А вдруг огонь начнет слабеть,
Как вони, кровью истекают!

Но нет! Сынов оскрепело
В могилах братских корона,
Россия стояла, раз горела,
Что хватит на века огня!

Лебеда

Есть на свете трава-победа.
И бывает на свете беда.

Почему-то беда с лебедей
Неразрывны...
Я помню: едой
Лебеда нам слушала, когда
Нашу землю постигла беда.
Черный хлеб пополз с лебедей
Запивши холодной водой.
А с пищевой мукой поезды
Шли к фронту, чтоб возвен, никогда
Лебеда не являлась едой.

Дерево

Из него у сыча в пещере
Человек сгребал первый тун.
А однажды,бросив шкуру зверя,
Деревом вспахал медянный луг.

В этом око — зеленая прохлада.
На коре хранят, как миф, слова.
Бьет незваный, как удар приклада,
и безмолвно плачет, как едва.
Нам всем идет сопутствует сирень.
Жаждет моря — пахучий сок земли...
Дерево идет на колыбели, а
приходит срок — на kostыли.

Громоотвод

Есть люди, лишь едва гроза сгустится
В их тусклом небе, тучами клубя,
Стараются от грома уклониться
И отvertить удары от себя.

Укрывшись, ждут, как выплы на
болоте.
Их темный склеп ощиплено пил.
Лишь гул вдыми... То вынуждено
кто-то

Удары принимает вместо них.

Случится, что гроза с холодным
градом
Мое кроткое небо рассечет,
Я помню о других, стоящих рядом,
Приму удары, как громоотвод!

2573.

РАССКАЗ ПРО РАДОСТИ И ПРО НЕВЗГОДЫ

Но вот мы в Эрмитаже, у «Свагера» и т.д. Этот БаттоМир, в котором нет места супокам жизни! Где этот прозрачный и чудесный, театральный мир Антуана Ватто? С первого взгляда «Свагер» поражает своеобразием, необычностью, привлекательностью. Потом становится ясным обманчивость этого первого впечатления. Но очевидно, что это все же не тот «хрестоматийный» Ватто, который мы знаем из учебников. И вот эта картина на сцене вызывает вопросы. Может быть, не случайно его «счастливая случайность»? Или, может быть, это

просто «раба пера», но отчего же так расчетливо гипнотизирует она нас?

звать ситуацией детектива. В ее создании был «повинен» сам Ватто...

Яко не таинъ, как «все». Робин и Кларкъ, въпреки всѣмъ усилиямъ, были навсегда прятаны отъ дигъ. Ихъ коллеги по мастерской порой разыгрывали съ нимъ злыя шутки. Но свонъ три ливра въ неделю и не оченъ сытъ. А беда въ приданомъ онъ получалъ мало. Въ мастерской делали ноги. Тамъ работали бригады. Кто писалъ голову, а кто деревья. Дело требовало умения, но не художества. Ватто могъ писать все, и первые годы онъ пользовался наилучшимъ удовлетворениемъ. Молодой валлонъ хотелъ стать настоящимъ художникомъ, (а это當時 было

изной-инициал, а все-таки шиной).
Правда, потому оно уже тяготило.
Пришла к нему скромная, добрых десять лет, девушка из деревни.
И Батто «брать» от него все, что мог.
Он часами бродил по лавкам антиквариата.
Ров. Здесь, среди груд эстампов
можного было найти листы самого Батто.
И вдруг, увлекшись поиском, он
вывел странствующих коллекционеров на
площади, затерянных среди толп
зачарованных зрителей... Он ча-
сами вспоминал, что в первые годы
своей жизни, учился познакомиться с
жизнью, Наверное, они познакомились у
антiquarius. Жилло любил итальянскую
комедию, и кто знает, быть может, от

торые были ему известны, он раскрылся своему учителю. А когда Ватто начал показывать свои картины на выставках, то благородный Жиляло, по легенде, перестал выставлять свои живописи. Он сразу же, без разницы признан огромный талант человека.

...Быстро появилась если не слава то известность. Ватто покровительствовал сам Пьер Кроза. Тот самый, который Иронично называли «бедным Кроза», чтобы не спутать с братом — одним из самых богатых людей Франции. Но прав художника не менялся.

Он вовсе не стремился к богатству, и
также не любил его. Он нравился. Он был

деньги не стали его идеалом. Он писал только то, что его интересовало. И даже для своего хорошего сына Лесака отказался писать наставки на темы его книги «Хромобес». Ватто по-прежнему вечно был недоволен собой. Он не терял ненависти к Крепости. Любил одиночество и часами скрывался от «светлая» свое место.

пребывание. Может быть, это затворнические отчаянья «стимулировала» изгоянства. Ведь Ватто доныне личность дарагильского возраста — до тридцати семи.

Он — по-прежнему был на антиставке ров, по-прежнему ходил на представления итальянской комедии, часами проводил со Парижем и соседями в кафе «Ля Франс», учился в Сорбонне. Сам Ватто советовал «войти в окрестности Парижа, зарисовать там не сколько пейзажей, зарисовать затем несколько панорам, из которых выбрать самое привлекательное, из этого привлекательного руководствуясь обществом французской еды и выбиром». В одно из таких странствий, в годы, когда он еще

на берегу речушки Бызыры, в местечке Шантыны, давным-давно «проглоченном» Парижем. Возможно, что «Савозуру» причастны рисунки и гравюры «Кри де Пари» — кри де Пари, потому что будят тишину дворов бродячие ремесленники криками: «Компот чинить, нони, лудить, пантай». Во всяком случае, жизнь этого люда была

Вато интересен, «Савоя» из него получается полумысленный, полуподросток — с видом стоит перед нами, как на сцене. Или же он выглядит как юноша, который даже если он и «непонят» на себестоимости Простовата, ее себе на уме: не берет хитрости, не смеется, не чувствует себя виноватым. Лицо его ясное, выразительно — толстые губы и нос картошкой, маленькие глазки. Раньше он был бледен, а теперь он загорел, имеет тяжелую коричневатую, немаревшую одежду и гетры. Все это благородство — отсутствие у него привычки к грязи, он забытому придерживает руку. Судя по всему, он не простой ученик. Он выглядит как человек, который может что-нибудь сделать. Заплатит — самому, либо может быть, повзывает витальщиков свое членство. Сколько же времени жил этот Савоя, стравливается то же про Франции...

рессажами. Но взглянем в эти дни на ма-
са, серые, с тускловатыми красными
ми черепичными крышами. В остроуголь-
ной конической церкви. В деревьях пожух-
лых, почти обледеневших. Отметим, что
саворя стоит на поинтажеванном лугу.
Это не просто приметы осени. Печаль
Ватто понадобилась осеннею пора гру-
сти и увядания, когда герой так заня-
т Осенняя звонкая холодная прозрачна-
тишина кан-то по-собственному дае-
т нам, то-говаривая, — очищенный от
всех грехов и забывший о всем.

нам возможность ощутить пустоту отчужденности этого мира и его беспредельность. Надо всем господствует холодная чистая синева неба. Только небольшие золотистые облака у горизонта да тонкий рисунок ветвей деревьев.

неохромно и пусто, так покояется щемящее чувство незащищенности, хрупкости, мимолетности, чувства горечи. Так ощущает этот мир герой Ватто и мы — символ притяжения легких и свободных, полуопрятных красок.

тиами, на которых бродят под сенью таинственных парков в неясном том

«Савояр» висел в доме у Клода Одрана. Говорили, будто Ватто подарил

рана Геворгия, будто затея подарила эту картину своему учителю. Может

них работ художника. 1703 год. Тогда же она была написана Ватто в 19 лет.

её отодвинули, уже к 1709, к 1710 го-
ду. Оказалось, что у «Савояра» были
парные картины «Приях». Она не со-
хранилась, но о ней мы узнали по о-
ной из гравюр Одрана. Потом фран-
цузский искусствовед Т. Матеф скаж-
зал, что «Савояр» написан в 1713 го-
ду, «10 лет». Это огромный срок для
измершегося молодым Ватто. 1709—
сущность, первые шаги в искусство
1713—безупречная мастерская

1713-го поро зреолти. Но решено было, что приделжало — это была «вихрь эрмитанской картины, с 70-х годов XVIII века.

От Одрана «Саворон» попал в «бездну» Кроаз. После этого он стал предметом всеобщей коллекции, был распродан в пользу бедняков Парижа. Из «Саворона» охотился знаменитый немецкий коллекционер барон Кинцльштадт, но безуспешно. Картина попала в Земблю.

И ленинградца — искусствоведа И. С. Немилова — еще раз отчаянно пытались вывезти из страны.

памяти — еще раз поднимала догадку о написании картины: 1716-й или 1717-й год. Она исходила из того, что «Савойя» написан широко и с уверенностью в не свойственной начинаяющему Савойей свободой, близкой зрелому Ватто. А это доказательство своей гипотезы «выдвинула» несколько рисунков тех лет, на которые раньше мало обращали

внимания... Но, возможно, оппоненты Немилова в разных странах, историки и искусствоведы, увлекающиеся XVIII веком, еще выдвинут свои аргументы против этой гипотезы, и спор будет продолжен. В этом распутывании тайны — романтика профессии историка.

А картина-то маленькая — все-таки 40,5 см на 32,5 см. Но она достойна

всех слов — эта «счастливая» случайность Ватто.

задумываясь, начать по написанному совершенно другую работу. А в такие дни отчаяния, когда Ватто более ненавистно остро ощущал свое одиночество, он, бывало, смыпал то, что ему в этот миг почудилось плохим.

Рассказывают, двум писателям однажды задали каверзный вопрос: «Где бы вы, если бы жили один на необитаемом острове?»

Ученики Ватто, стремившиеся только к красоте и изяществу, утвердили тот душевный трепет, который делает Ватто большим мастером, конечно, перестали бы заниматься недоданным делом. Они, как модельеры, создававшие «моды Ватто» для высшего света, подходили к искусству

шего света, подходит к искусству, только как к ремеслу.

Сам Ватто, без сомнений, писал бы свои картины. Это было его жизнью. В героях он «вкладывал» свои мечты и идеалы... Мечтатель и романтик, он наблюдал за членами игрового общества, за их любовью и страстью, за их жизнью и смертью.

тонкий наблюдатель и человек ироничный, а то и язвительный — такие Ватто видится в его картинах. И грустная мелодия «Савояра» вносит один из первых штрихов в этот облик.

Жанрино, правый крайний бразильской сборной и «Ботафого». Сегодня он «стоит» 150 тысяч долларов. А завтра?..

СУДЬБА ФУТБОЛА В БРАЗИЛИИ

Грустная бухгалтерия

Всю неделю по грошу собирает Жозе три круизера, экономя на своих вонючих сигаретах, на лекарствах для восьми своих детей, на фасоли, являющейся единственным пищей семьи, на тубах для босоногой дочери, которая не может найти жениха. В воскресенье, сломав крикливый приступ своей измученной роддами и нищетой менингита, Луис Фернандо отбывает сестру в «архивариаде». Он платит эти деньги не просто ради того, чтобы посмотреть любое «Менго»... Когда его смятые грязные бумаги исчезают в окошечке кассы, он чувствует себя счастливым. Ведь деньги пойдут в сейфы родного клуба, который доставляет ему столько радости и — бог его прости! — горя... Жозе счастлив, помогая «Менго»...

О том, что происходит с этим делегатом после того, как кассир равнодушно кивает на него в ящик, мурлы не задумывается. Ему некогда думать об этом, потому что он торопится на свою «архивариаду», где уже грохочут тамбурины, вспыхивают ракеты и развязываются красно-черные флаги «Менго»...

Мы не пойдем с ним. Мы спустимся под трибуны.

Как я уже говорил, на любом футбольном матче, проходящем на территории Бразилии, где-то в середине второго тайма директор торжественно сообщает размеры сбора. Эти цифры затем повторяются всеми футбольными комментаторами и публикуются во всех отчетах о матче, поскольку важность, категория, класс футбольного состязания в Бразилии прежде всего измеряется количеством забитых голов, а валовой выручкой кассы. В воскресенье вечером усталый комментатор, заканчиваясь по телевидению обзор очередного тура, глубокомысленно произносит: «Минута перед началом было очень свободно: она дала только 400 тысяч круизеров!.. Следующий тур может достичь полукиллиона!»

В этом внимании к финансовым проблемам футбола нет ничего удивительного, если мы вспомним, что любой профессиональный футбольный клуб — это деловое предприятие, главным назначением которого является извлечение прибыли и получение доходов, которые являются, как правило, единственным источником дохода предпринимателя, продуктом эксплуатации трудящихся в данном случае футболистов. И подобно тому, как рабочий бразильско-западногерманского автозавода «Фольксваген» может быть без объяснения причин вышвырнут за дверь или переведен на другую, менее оплачиваемую работу, футболист может быть вынужден из команды или посажен на скамейку запасных, что тоже приводит к ощущению недовольства зрителями. Впрочем, подобные футбольные драки случаются не только в Бразилии. Любой рабочий или служащий может потребовать, когда ему вздумается, распустить, а профессионал меня лицом даже этой возможности: до окончания срока контракта он является собственноностью клуба. Такой же, как стоял в кабинете президента «Фламенго» или скрывающийся архиметр в бухгалтерии «Ботафого». Когда эксплуатируемый «Коринтиансом» Гарринча — легендарный «Фикак» мира — стал «хлопать дверью», устав играть в «архивариаде», его отстранили от команды, трибунал спортивной юстиции дисквалифицировал его на два года, запретив ему играть в течение этого срока на территории Бразилии. В то же время хозяева клуба (в Бразилии они называются «клартольи») могут распоряжаться игроками, сдавая их в аренду или уступая взаймы, не опасаясь никаких конфликтов с профсоюзами. Поэтому что профессия футболиста — это бизнес. Если, например, суммарные доходы от продажи билетов на ставшего неспособным Альмара «Бонсекур» соглашаются купить его, но требует в приданом землю, то Гарринча не ссыпается на то, что Альмир ушел слишком стар...

Однако из самых страшных зол этой чудовищной, никогда не существовавшей в истории человечества футбольной твари является осажденное законом правило, по которому сам игрок после сделки с продажи клуба может вернуться в него лишь в размере 15 процентов суммы, за которую он был куплен. Это породило, как ни странно, интересы футбольистов: приводит к тому, что игрок не только перестает ощущать унизительность подчинения, но и начинает интересоваться тем, что в будущем может с ним произойти. Это убивает в футбольистах такие «старомодные» мысли и чувства, как любовь к родному клубу, и заменяет ими подобные «сентimentальные глупости». Лучший полузащитник Бразилии Жерсон в сезоне 1969 года

Игорь ФЕСУНЕНКО

Продолжение. Начало см. в № 1.

начал очесточенной войну с директором своего клуба «Батоффагом» — Михаилом Григорьевичем Пономаревым. Дело дошло до того, что пресса стала обвинять Жирсона в недружественном отношении к своему клубу. В концовке сезона Жирсон покинул свой клуб и основал новый — «Сан-Пауль». Там было одна из самых драматических историй этого сезона. «Батоффаг» выиграл первенство, а «Сан-Пауль» — Кубок чемпионов. Но в финале «Батоффаг» допустил ошибку — Жирсон, забывши пасовать, забросил мяч в собственный ворота. В результате «Батоффаг» проиграл «Сан-Пауль» со счетом 3:2. В течение трех лет Жирсон был капитаном «Сан-Пауль», но в 1951 году он был снят с поста из-за ошибки в матче против «Локомотива». Жирсон не считал премию за победу. Когда же в 1954 году включилися болельщики «Батоффага», Жирсон, забывши о прошлом, забросил мяч в собственный ворота и выиграл Кубок чемпионов.

суплачущими бразильских «футболистов», ситуация успокоилась. Потом что «сами бразильцы, даже самые известные, не умеют играть в футбол». Их изодали тем, смазчиков заработка, которых им манил Италия, ФРГ или Испания. Когда «Санкт-Петербург» в 1990 году выиграл Кубок Европы «Интернациональ», кто-то из игроков привез с собой слух о том, что туринский «Ювентус» предложил контракт на пять лет и 150 миллионов долларов за лучшему игроку «Ботафого», около 150 тысяч долларов единоразового пособия, не считая премий. А в 1991 году в «Ботафого» неожиданно перешел в этот клуб Паренес, который в это время находился на клубе начиная отборочных игр美洲杯。«Ботафого» в ответ на это начал выдвигать узма: «Он должен сделан так, чтобы это оказалось правдой» — проклятие он, потрепанный... — Если бы я знал, что я буду вынужден

официальный подтверждит это приглашение, и брошу все и бегу туда...»

Словом, купля и продажа в футболе тут дело естественное. Были бы у клуба деньги, а футболисты найдутся!..

Ну, а деньги берутся на трибунах. У сотен тысяч Жовнов и Жозе. Поэтому доход клуба зависит как от числа зрителей, так и от количества матчей. Одни недели без игр воспринимаются футбольными бухгалтерами с беспокойством, две недели — с ужасом, три недели простая являются «ИП», после которого президент клуба в течение трех месяцев станет твердить на каждом углу о «невспоминаемых потерях», о «катастрофической финансовой положении команды». И будет вынужден изматывать футбольистов все. Да последней капли пота.

В среднем, в год, в мире играет в футбол 250 млн. человек. Ежегодно новые игры появляются, снимаются, снимаются, демонстрируются кино, импресарио, клубы немедленно организуют поют клубы-чайбы в пропаганду на пару-товарищеских матчей. Двухдневный перерыв рассматривается как подарок всемышленнику и немедленно используется для прогулки в Европу или в соседние страны. Тренер знает возможности планирования тренировочного процесса, но не знает, что такое «матч» — это не слова в языке. Главная забота тренера сводится к установлению игрового задания на очередной матч и «затыканию» дыры, вызванные непрекращающимися травмами. По мнению Жозе Салданьи, тренера бразильской сборной, футболисты ведущих клубов страны являются жертвами поготогнойной системы игры, варварской организации туризмом и гастрольных поездок. Сальданья считает, что в бразильском футболе наяву не существует связи между математикой, а это приводит к нерациональному и физиологическому истощению, травмам, сокращению спортивной жизни футбольистов.

Доктор Илтон Гослинг, работавший врачом сборной Бразилии на чемпионатах мира в Швейцарии, Чили и Англии (последние годы он заведовал медицинским департаментом клуба «Васко-да-Гама»), заявил: «бразильский профессионал — «машинка, работающая на износ» — находится в таком состоянии, что уже в середине сезона участие в матчах становится возможным только при помощи «искусственных, временных, спасительных

Как же возграждается этот изнурительный труд, рядом с которым, пожалуй, даже работа шахтера не является столь ум оттомительной? Определяющим фактором становится вспомогательная работа, которая включает в себя контракты и зависит от уровня его мастерства, степени популярности и известности игрока. Кто-то из игроков волны хоккей клуба, который, например, заполучил именитый товар как можно дешевле, может заработать на продаже футболки за каждый выигранный мяч получая специальный вознаграждение. «Бинчи» раздает крепким спиртным и от настроения хозяев клуба. Иногда «бинчи» достигает впечатляющих размеров: канадский игрок «Ботвина» за победу в матче против клуба «Ред Уингз» получил не просто приличную сумму в 1000 кроузеро (около 270 долларов), а также для сравнения, что средняя месечная зарплата рабочего в Рио-де-Жанейро — 120-150 кроузеро.

Правый крайний «Коринтианса» Пауло Борже забирает ежемесячно около 9 тысяч крузейро. Говорят, его онлад уступает только заработку Пеле, которому «Сантос» выплачивает 13 тысяч крузейро, не считая «бонусов» и других вознаграждений.

Репортаж спортивной «Святской хроники», пускай и не самый яркий, но зато один из самых интересных футбольных захватов футбольных миляционеров. Он том, как Павел покупает акции, обмываетя заслуженную форвардом награду, а затем, обогащаясь, выходит из зала, чтобы сказать, что только не привнес ему доходов, но и причинил громадные потери. И в этот момент проходит, как веяние ветра, Евгений Канаревко, именем которого вспыхнула в поисковом движении учителя. О том как Канаревко имени денег покупал бензозаправку, Тюльпанов, Вячеслав, помимо бензоколонки, обзавелся магазином спортивных товаров и посту- лировал звание заслуженного физкультурника Бывальчиков, некогда неприметный форвард скромного клуба «Банки», сумел весьма удачно про- думать свою карьеру, и в итоге стал заслуженным мастером, что позволило ему стать владельцем крупной пекарни и здания в три этажа, которое он назвал «Банки». А также, Владислав, заслуженный мастер спорта по хоккею с мячом, который в своем спортивном пути, не составляя и десятой доли процента от всей истории армии профессионального бразиль- ского футбола.

Рядовые этой армии, сбывающие свою нелегкую повинность в так называемых «холмах» избушек на столицах и в периферийных командах, влечат proletарское существование к микроскопической зарплате, крохотные «бичи», постоянный страх перед возможной тремяй, которая приведет к простому, а затем к растворению контракта. И вечная надежда на чудо в блоке триумфа «Флемингов» или «Сансотов», изъявляющего желание купить этот несчастный париж... С каждым годом надежда становится все более беззаконной, сминается горечью и отчаянием.

Трудно, очень трудно «выбиться в люди» бразильскому футболисту, потому что эта страна удивительно богата самородками и талантами. Футболист всегда живет в состоянии полной зависимости от каприза тренера: малейшее недоразумение, и его выставляют за дверь. Не его место всегда найдутся десятки других, ничем не хуже...

Но даже если все идет хорошо, если тренеры довольны, если — слава Богу! — удается играть без травм, если контракт обеспечивает щедрый зарплатой и президент клуба поощрительно похлопывает по плечу: «Молодец, парень!» — все равно футбольист-профессионал не чувствует себя спокойным, потому что с каждым годом его дело больше и больше волнует проклятый вопрос: «Что делать, когда я буду стар?»

Самые известные футболисты в мире живут земной жизнью в 30—35-летнем рубеже беспокойства: всех — и мастеров «Даллингтон» и скромных триункеров такого-нибудь «Атлетико» в Базуре. Потому что нет среди них такого, кто не знал бы о жалкое судьбе двукратного чемпиона мира Гарриккини, не помнил бы трагическую историю Манеки из рио-де-жанейрской «Америки» или Илокожуана из «Васко-да-Гама»...

Манено был вослебдивым мяча. До сих пор старые торпеды, вспоминаю «шоу», которое он давал в детстве, и его гимнастические и его вытурные проходы по краю в матче со сборной Уругвая. Манено выиграл в матче со сборной Аргентины и много лет был лучшим в мире. Однажды он пришел к президенту клуба «Коринтианс» и спросил:

Сенатор, одолжите мне сорок тысяч! Клинуся, возвращу через две недели.

Манено не мог идти двух дней: когда он вернулся домой, дома у него не было. Некоторый мужчина, который был в клубе, открыл ему скрипящую дверь. На узлах сидели его отец и мать, смотревшие на него с беспомощностью. В этот момент дунул враг враскорысть. И этот вадибади все же ждал был его гордостью...

Паренек жалко ульбнулся и сказал:
— Отец, я что-нибудь придумаю... — Он ничего не сумел придумать, потому что бывший владелец дома отказался отсрочить очередной платеж. Закон есть закон!
Манек оставилися...

А Ипонкунан.. Знаменитый форвард одного из

богатейших физических клубов — «Васил-да-Гама», «Феникс» и т. д., где супружеская чета, состоящая из мужа и жены, играют сеть. И вот сегодня, когда форварды пользуются наивысшим признанием, Саша Ильинская лежит в своей кровати, и ее муж, Юрий Гагарин, спит в своей. Умрал от острой формы сердечной недостаточности. Его мучает мысль о жене и детях, которые остались без отца. Юрий Гагарин умер не сразу, а спустя час. Кто-то из них сказал: «Репортер, загляни в эту квартиру, не умер ли уже он: ведь есть девочка, которая хватит на три дня. Чуть будет потом, не знаю...»

ный фонд помощи профессиональным спортсменам». В обязанности ФУГАП входит оказание содействия престарелым футболистам. Таким, как Илложуан, Манеко и тысячи других. Маленькая

А СУЛЬМЫ КТО?

В 1956 году «Сантос» встречался с командой города Таубате. В случае выигрыша он становился двукратным чемпионом штата Сан-Паулу. За несколько минут до начала матча руководитель клуба по агентурным каналам получил сообщение о том, что судья взят от хождения из зала судейского здания. Для «Сантоса» это было впервые в истории. В течение нескольких минут среди игроков и футбольного руководства был организован молниеносный сбор, и представитель команды ворвался в судейскую комнату уже в тот момент, когда арбитр завёл мяч в ворота.

— вот 150 тысяч. вместе с теми, что сеньор только что получил, это составляет 250, не так ли?.. Это достаточная сумма за то, что сеньор будет судить *правильно*.

Судья взял деньги, матч прошел нормально, «Сантос» выиграл со счетом 2 : 1...

Самое интересное в этой истории то, что на нее руководители «Сантоса» не возмутились, не кричали, не требовали отставки извиняясь и опровергая. Делали это в основном депутаты людей и только! Однако не всегда удается продлывать такие операции в абсолютной тишине. «Грязное белое футбольное» [«Коррупция»] «Пора наконец судьбу матча решать на футбольных полях, а не на куписами!» Перинодически такие заголовки фейерверком взрываются на страницах газет.

В 1968 году разгорелся грандиозный скандал в штате Сан-Паулу. В печать попали документы, свидетельские показания и интервью, обличающие в подкупе, в «организации» результатов матчей целую группу судей Футбольной Федерации штата. Судья Жозе Альдо обвинялся в покрывательстве этих преступников самого президента Феде-

Бразильский футбол переживает настоящую «эскалацию насилия». Перед вами один из эпизодов «футбольной войны» — драка между игроками команд «Гремио» и «Интернационал» на стадионе «Бейра-Риу» в Порту-Алегре.

А ВНИЗ МЫ ПОЙДЕМ НА ЛЬДАХ!

Отдых в горах: заботы хозяев и гостей

рации Манден Бланко. Журнал «Куриэр» опубликовал рассказ бывшего президента пронционалистами из города Прасиниада, подробно рассказал о грызнях Парижских Франции и Федерации и о возможном исходе выборов.

Результаты этой кампании оказались более чем скромными: были отстранены от судейства некоторые судьи, а заседания суда были перенесены на заседание вымытых из штата Жозе Альстри и еще несолькими судьями, посещавшими «вымощенные коры» в Париже.

Журнал «Куриэр» заявил однажды, что в Бразилии есть только один судья — Армандо Марис, которого, по единодушному мнению всех бразильских судей, можно назвать самым честным судьей в стране. Правда, Марис никогда не понимал футбола и даже Португалии. Поэтому, когда в Бразилии одиноко маячит в центральном круге. И это здорово, чтобы, как он сам сказал, «никто не мог сказать, что судья приближался к тому-либо». Армандо неподумел. **А остальные?** Остальные судьи пользуются популярностью у торпеды, игро-вратаря и даже у судьи. Их судьи перед каждым матчем находит судья, получает деньги или чек бразильского национального бан-

Когда просыпаешься в уютном номере гостиницы «Италья», то не сразу сообщаешь, что ты не в столичном новогороде, а на Кавказе, в подмосковном санатории. А когда выходишь из спальни в коридор, закрывающую огромное, во всю стену, окно, в комнату врывается горячий. Они потирают ослепительной белизной складки, заленяются свечами елей и сосен, затапливают все солнечные чистейшим, прозрачным воздухом высокогорья. Ты — в Приэльбрусье, на высоте 2 100 метров над уровнем моря, тебе ждут подъемники, спуски, сложные горнолыжные трассы.

Сосны обстутили дорогу, рядом под снежными и ледяными напльвами журчал незамерзающая горная река. Сквозь ветки видно, как за воротом склону Чегета, от опоры к опоре, медленно ползут кресла, а вниз зигзагами мчатся черные точки, то пропадая, то вновь появляясь среди бугров.

Вот и нижний будка землемера. Уши, очи, преда, чтобы жадь не меньше 45 минут. Без очереди проходит спортсмены — это их право. Загорелые, кореяные, с обветренными лицами в плащах, в стеганых ярких нейлоновых костюмах, в перчатках из ярких синих суконь, застянутых с алмазами, в ботинках с камнями и, конечно, с алмазами, неизвестными алмазами всемирно известных фирм. На них смотрят с уважением. Это они мчатся по склонной крутине Чегета, вылетают на край склона, вспыхивают в бурице самой крутым части трассы, и если не успевают остановиться сейчас не остается, скорость сломает, разобьет, разнесет в пыль... Но нет, только взят хайт, молниеносные повороты, прыжки, и вот уже прямой спуск в конце трассы. Спортсмен рвется к финишу, как стрела, выпущенная из лука. Слышишь, как чтобы от спорта горнолыжника скажали «слома руку» или «слома ногу?» Говорят «разбрызгай». Действительно, на таких скоростях рукой или ногой не отдаешься.

Вообще говоря, дела с подъёмниками на Чегете подымаются. Всего на горе работает сейчас 5 подъёмников — два кресельных и три бугельных, в том числе большой бугель на туристической трассе. Можно надеяться, однако, что очереди на подъёмники мы наблюдаем последний год. Нынешней зимой собираются построить парковрельсовую дорогу, которая по кругому лесистому склону Чегета будет ежечасно выносить 500 человек, тогда и грохет «Альпийский».

—Представьте себе солнечный зимний день на Чегете. Работают все дороги. Снизу по двум краевым и одной бульевой дорогам уходят около 1 000 человек в час. Дальше их подхватывают «Чег-2» и еще один булья. А в будущем заработает и магистральная дорога, которая доставит вас на вершину Чегета, к отметке 3 400 метров. Подъемники начали карабкаться и на величественный Эльбрус — от полны Азая с ее новой гостиницей до Старого Кругозора.

Алексей Александрович Малеинов, заслуженный мастер спорта, начальник канатных дорог Чегета, показывал мне проекты лыжотных абордажников на подъемники. Они действуют только

Основной причиной нарушения к судьям крестят их в беспомощном положении по отношению к «важным» людям, которые при желании могут внести счета «закрыть» карьеру судьи. Дело в том, что Бразилия не имеет собственных коллегии судей никакого иного органа, кроме судейской коллегии интересов, поэтому арбитры назначаются непосредственно футбольными федерациями, руководителями которых, в свою очередь, зависят от боссов «Фламенго», «Ботафого» и т. п.

Арбитры просятся «проявлять» осторожность в отношении судейства в матчах «Бразилии». Жутко, небо, почтуетесь, нещершитность судьи, игроки начинают на поле откровенной войной. Вспомним настоящую «Бразилию» в первом матче из «Васко-да-Гамы» и «Флуминенсе» превратившуюся в такую грандиозную драку, что судьи, несмотря на то что в матче было 10 красных карточек, приняли решение об удалении с поля всех игроков обеих команд. Всех, что до этого не было унесено волной.

Когда судьи Ариандо Сезар Кольво на втором по величине в Бразилии стадионе «Минейро» в матче между «Палмейрасом» и не засчитавшим гол «Палмейрасом» (Сан-Паулу) в матче между «Палмейрасом» и не засчитавшим гол на него на глазах

ко в одном направлении — вверх, а вино даже новичок, хоть и медленно, но спустится самостоятельно. В их цене, по-видимому, удастся найти золотую середину, так что и лыжнику не покажется дорогой и канатной Чегоре будет выгодно. В 1968 году три дороги Чегоре перевезли 150 тысяч пассажиров — 470 тысяч, но все же появление новых трасс и реконструкция оправдывает газетный заголовок. Пока же никак не удается снизить цены на билеты. Сейчас для горнолыжника-любителя, проходящего трассу два-три раза в день, каждый подъем стоит очень дорого.

Снежные великаны, обступившие Баксал, особенно блестят ледяными склонами, ледниками, острыми зазубренными вершинами, изломами снега. Визуально доносится глухой удар, потом рокочущий гул. По отвесному каменистому кулуару, кубясь и расширяясь, как комета, мчится лавина. Даже отсюда, с расстояния двух километров, — зреальная весьма внушительное. Легко представить, что могло бы быть, если бы лавина «сносила» на горыницу.

Боевые-то гостинцы построены в таких же шапелях, куда лавины не доходят, но их можно ударить (вернее, уничтожающим все возмущение) и сбить с ног, а лавина!» Альпинисты доходят до коммуникаций, разрывая провода, сбрасывают снегопады, сорвавшиеся. Бескрайняя зима 1968/69 годов в весне стала продолжением сюрпризов. В начале марта начались снегопады, и через десять дней снег началась снегопад. Чегет, все трассы. Где-то на извернувшись в «северном склоне», скользя огромная лавина, сорвавшая с горы, она ринулась вниз, отрезав гостиницу «Алазань» и гидроэнергетическую станцию МГУ от Комплекса «Призмы». Выбито огромное количество лестниц, испорчена дорога, как спички, ломались бетонные столбы электрорадиопередач. «Алазу» на какое-то время остались без продуктов и электропитания. И три года назад лавина была почти по тому же месту, но, к счастью, не вспыхнула в тот момент, что в комплексе «Призмы» были заняты альпинистские службы, есть только проекты ее создания. Но проекты лежат, а лавины идут, прорывая тяжелейшие обломки ледника.

Можно бороться с авариями, распространяя их, например, из орудий, можно обратиться за помощью в Геофизический институт, но это не поможет карману дирекции комплекса. Нет, тут не решится вопрос частными мерами. Лавинная служба, сражающаяся в горах жизни людей и дорожествующие объекты, должна быть организована на государственном уровне. И расходы на нее будут компенсированы по сравнению с затратами на исправление последствий от аварии.

...Наконец очередь вписывает нас в узкий коридорчик, контролер предварительно проверяет билет с надписью «Чегет-1», мы становитесь под трос и ждете кресло. Вот оно уже у вас под коленами, вы садитесь, мягкий рылок — и, раскачиваясь, как маятник, уходите вверх. Пrolываются минуты одна за другой, будка подъемника, склон горы, покосившие редкими кустами. Вы дышите? Да, да, именно это ощущение не покидает вас до самого конца пути.

Сначала кресло медленно проплывает над глубоким кулуаром, где в обычный снежный год по стекам подзенят искришки и хны, как

телей: Адемир да Гийя ударили его ногой, Тупа-
лько разорвал рубашку, остальные толкали
его в грудь и обсматривали самыми грязными
глазами.

последствии все это было отражено в пропагандистской, составляющейся в трех эмблемах, из которых остается у Федерации, на титульной странице журнала «Футбол» и в Бразильскую конфедерацию спорта. Все эмблемы пришли от протокола матча, которые должны были быть переданы в Бразилию и национальным инвесторам, искачены! Началась долгая борьба, запросы, переписки... В результате хулиганы сошли с арены, но не с поля, продолжали испугом и мерзостью шокировать СМИ, обозревателей журнала «Футос и фотос». Ней «Этот парень, которому я дал пять минут», начинает понимать, что судья может рассчитывать на помощь. Никто не возьмет его на работу, если ему вслушаются в конфликт с большими инвесторами он либо склоняется, поддается «семьею» футбола, либо продолжает терять работу. Таков бразильский футбол...»

метеоры, врезаются спортсмены. Затем кресло опускается к земле, вернее, она сама приближается настолько, что задниками лыж можно дотянуть до нее. Мимо плывут огромные сосны, всплывают безостановочно спускаются скользы, иногда в них сидят посыпавшие экскурсанты бедлы, в зимних пальто и белокорых шапках, надвинутых на уши,—наверху их прохвачиваются ветер.

Опоры карабкаются все выше, внизу остаются сосны, некоторое время нас еще сопровождают кустики, но вот и они кончаются, и перед нами открывается вид, от которого буквально захватывает дух.

Справа величественно и вадимо возвышается архитектурный Эмблема. Он кажется совсем блеклым — эта высочайшая точка Европы, без малого на километр выше Монблана. К подножию Эмблемы камнем подходит Баксанская ущелье, его западные дномки подходит Терсканская корпуша новой горыницы, кающихся с высот спичечной головы. Ущелье предает с высоты птичьего полета, ибо обе стороны обрамлены склонами, волнистыми, извилистыми, изогнутыми, как складки халатов — оно включилось между склонами халатов — синий Эмблема — и гавайским Кавказским хребтом. Вот эти великаны, одни к одному, поднимают свои острые зубчатые пики.

Кресло прибажается к концу первого подъемника. Надвигаются верхняя будка, круглая стеклянная кафетерия, будка с макаронами и т.д. На конец подъемника висит кресло, отодвинутое краем, которое уходит за трубчатую отраду и поднимается в кафетерии. Над головой пльзут кресла следующего подъемника. Кафе, как сообщает надпись, называется «Анна». Кафе имеет потолок из стекла, высота которого составляет 2750 метров. Сюда можно попасть через стекла можно наблюдать почту круговую панораму. В центре есть огромный камин, где отгораются альпийские и туристы.

Около кафе на завалинках ряды загорающих. Многие девушки даже в купальниках: за стенкой кафе тепло, и любители экзотики добиваются смуглого-кофейного цвета.

Можно прогуляться дальше. Недолгое ожидание, сзади опять надвигается кресло, и мы продолжаем путь к вершине Чегета.

Еще крашко минут тринадцать и ошелестивший складом крашко плавно лампа вперед. Издар нарастает скрежущий звук — это работает маленький бутафорский подъемник. Кресло подъезжает к плащадке, сокискавшим и зияющим табличкой, высота — 305 метров. Высоко забрались! Народу нет, на укатанной мыльце, катается много, это — радиостанция место, где могут учиться новички и туристы, снискнутое со всех сторон надписями «Стаи, Аванюноиси!» и красочными обрамлениями.

Можно, запретивши за трос, подняться еще на полстолбика метров в шесть, обмотавшись будгэлем, съехать вниз. Умы недолгое счастье! Можно еще спуститься по трассе "Чегет-2" от верхнего подъемника до кафе. Но они отыскались не для начинающих лыжников. Крутизна доходит местами до прямого угрожающей величины, а путь сплошь, как бурное море волнами, усыпан разнообразными бутрами, которые при малейшей неосторожности пропущиваешь, бокалом. Красиво эту трассу проходят лишь бывалые.

волок. Некоторые из них демонстрируют в самых критических обстоятельствах весьма твердый характер. Однажды в Белоруссии на судье Юана Гонсалеса во время матча кинулся разгребающим снегом. Тот не спасся и был сломан, но не размыт, а полиция, решив, что взломщиком вымытня судей и тренеров ее не являются, Гонсалеса вымогут без оружия, а после этого, как ни в чем не бывало.

И все же подобный факт является, мягко говоря, языком, неизвестным, ибо давно у нас, народу, забыто.

эпоха, когда судьи в Бразилии рассматривали нас представители какой-то священной касты не-прикасаемых.

Трибуны, торсида, пресса, но в первую очередь, разумеются, картолы все больше и больше пре-вращаются бразильских судей в заводные куклы, посланные своей воле. Особенно ярко проявляет-ся это во время международных матчей, когда против «ягуаров» восстаёт вся страна, и судья, если он патртон, если он «100-процентный брази-лец», не может не встать под знамёна родного жёлто-зелёного бразильского стяга. Именно по-

ые спортсмены. Можно звать праще, там как будто бутров меньше, но зато рисуете, заехали в аэропорт, где сенс кончается, и приедете, как прошлый ми одинажды, долго, облавливая по том, карабкались по жалюзиям тротуаров и в камикоз.

Для опытных спортсменов, инструкторов, рабочих компаний, наивных туристов, которые не интересуются спортом, а также для тех, кто не может нормально кататься. Однако это не делается. Трассы размечают фактически только для спортсменов на тренировках и соревнованиях. А новичок может катиться, куда ему заблагорассудится, хоть в пропаст. Нет, не чувствуют этого простые туристы опытных

иструкторов.
Но если вы, так хорошо и бесцельно находитесь на вершине горы, то вину в этом, влечет множество чисто земных заблуждений. В этом в краснайшем узелке Балаконского ущелья скрывают стеклами «Итальян», многократно описанный в нашей прессе, первых туристов признала новьезская администрация ЦСКА, на полях Азии вспыхнула в гейзерах стекло-бетонные корыши новогодней елки, а в Китае даже дали корпоративную «Чирик». Но с открытием новых ландшафтов возник целый ворот проблем, которые больше были один конец по туристам, а другим... — на обрадующему лицу переборах.

Основная проблема этих мест — кадры. В наше время человек привык работать в маломальски сносных условиях. Особенно если он думает закрепиться на месте надолго и основательно.

А чем может похвастать комплекс «Призаборье»? Надбавка к зарплате: 20 процентов обслуживающему персоналу и 30 — строителям. И это на высоте от двух до трех тысяч метров. Жилья нет. Обслуживающий персонал вынужден жить тоже в гостинице. Официанта со всеми надбавками получает 75 рублей. От-

того-то и их хороших поваров здесь мало. Директору «Азау» Юсуфу Магомедовичу Мурзину, альпинисту, мастеру спорта, приходится работать, например, без номинального рабочего дня, почти круглые сутки. И это за 140 рублей в месяц!

Одни хорошо — в Приэльбрусье охоте едут астматики, тут их не пускают проходить. Но ведь

активистами, тут на модули приборов». Но весь персонал из них не укомплектован. А в стенах метрополии «Азбуки» стоят чистые новые котеджи гляциологической станции МГУ, где трудятся люди, получающие значительно большую подбавку к зарплате. Текущая кадровая, как горная река, каждой весной подтачивает комплекс «Призмы-Биессы».

мие в Тырныауском горкому партии. Сейчас на-
мечается кое-какие сдвиги: в селении Эльбурс
садятся многокомнатные дома, при налаже-
нии транспортной путь до места работы будет
сравнительно коротким. И может быть, имеет
место спасение жилищных комплексов, неподрас-
тавленных около железнодорожной станции. И почему к тому же
не ввести самодобуживание в столовых?

никам причины задорожания непонятны, ищаются ими в чём, кроме цены, изменений в произошедших на них. Не будет же директор гостиницы обменивать каждого, кто эти деньги спустя наилучшие расходы. А их много. Вот скажем, гостиница «Сибирь» в Красноярске, а также гостиницы, как «Ильинка» и «Азур», под одной машиной сейчас позиции еще рефражератор, и в них, и в других машинах все равно спариваться трудно. Но продукты завозятся из Нальчика и Пятигорска. Каждый постолает в деле следующим: «Мне два килограмма продуктов». Даже если одна сторона не имеет права на это, то она требует. Такое в подавленном состоянии было в Красноярске. И вот, когда я, после того, как дирекция комплекса «Приамурье» забылось отдаватьсь от Кабардино-Балкарского гор.областного совета по туризму и стала подчиняться непосредственно Центральному совету по туризму, Транспорт остался в ведении областного совета. Согласно можно арендовать его по договору. Наши свои транспортные контракты при辦理 комплекса «Приамурье» были, чтобы для Ильинки, сложены.

Да, в первую очередь нужно обеспечить полноценное питание, а уж тогда можно думать и об остальном сервисе. Попробуйте-ка, например, получить здесь что-нибудь напрокат. Вот в «Азарт», скажем, завезли отличные польские лыжи и все одного размера — 215 сантиметров

Какой уж тут сырье, когда директор «Итко-Пах Нух Ильинович» безропотно говорит мне с очарованием, что не может он корыстный народ оводить и нечестивых членов общества, а также виновников разорения в подобном помещении всегда показывать кино: не предусмотрено актюйный зал, не предусмотрено телевидение, нет радио, не предусмотрены помещения для бухгалтерии, меблируются, и, уж ладно, в последнюю очередь, для кабинета директора. Оттолкните вон эту старинку — углаза, а давите вону портфель на электричество. Все это необходимо на будущее учитывайте автором таких комиксов!

Много резонных и полезных предложений я слышал от работников комплекса: передать питание во всем комплексе Министерству торговли; передать «Итальян» Комитету по физкультуре и спорту и сделать из него настоящий горький отель: «Азур», например, стал бы отличным отелем; купил пивку — отдахан. И вот тогда бы положение рядового турбогороджанника, приехавшего на две недели в этот изумительный край, резко улучшилось бы.

И все же, несмотря на все недостатки, у комплекса «Приамурье», у его капитанов, до-р, гостиных, трасс, пересекающих склоны Чегета, есть одно очень важное положительное качество — это то, что они, в отличие от многих мастеров этого дела, не боятся экспериментов. Их мастерство этого не будет у них еще инфаркта. Однажды накапливается, даёт возможность исправлять проявленные ошибки. Ведь уже сейчас проектируются не менее великолепные комплексы под Амал-Атой, в Прикарпатье и других районах страны. О них мечтает огромное количество людей, любопытствующих в солнце, осеняющие горы, — люди, для которых скрежет лыж на крутых трассах является лучшей музыкой в мире.

атриотом, он только ухудшил качество футбольного спектакля...» Впрочем, президент «Атлетико» сидерхисался иного мнения. После матча он заявил журналистам, что, по его мнению, Жозе Ассис Араго является одним из лучших футбольных судей Бразилии.

...Итак, хозяева клубов являются хозяевами бразильского футбола. Они покупают и продают игроков, командуют руководителями футбольных федераций, распоряжаются по своему усмотрению судьями, без их согласия игрок не может быть взят в сборную, без их визы не может быть составлен календарь чемпионата или организован международный турнир. Естественно, что интересы клубов одинаковы во всех

Как же они защищают эти интересы? И как они понимают их?

Продолжение следует

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ
2. ДВА АВТОГРАФА В. И. ЛЕНИНА
3. СИМВОЛ СТОРОННИКОВ МИРА
4. НАПУГАННЫЙ СРЕДНИЙ АМЕРИКАНЕЦ
5. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ... ПО АБОНОМЕНТУ!
6. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ СКУЛЬПТОРОВ
7. СКЛАДНЫЕ ЛЫЖИ
8. ГРУЗОВЫЕ ПОЕЗДА СВЕРХТЯЖЕЛОГО ВЕСА
9. РЕКЕСТР КАТАСТРОФ
10. ФЕРМЕР НА ХОДУЛЯХ
11. МОДЕРН В ЦЕРКВИ
12. МУСОР ПОГРЕБЕТ АМЕРИКУ

Материалы, приведенные в статьях, сокращениями или в изложении.

1.

В доме старого купеческого землевладельца Кашино Ивана Степановича хранится драгоценная реликвия — фотография: В. И. Ленин и Н. И. Чайковский, один из организаторов открытия первой сельской электростанции в 1920 году. В годы нацистской гитлеровской оккупации фашисты начисто спалили деревню. Но местные жители сохранили эту фотографию в земле, и она под莫名其妙а тогда немного. На снимке рядом с Ильицем сидят члены его семьи. На фотографии видны эти люди, а также Ильиничев. В одном ряду с Лениным и Иваном Степановичем.

В Кашино музея сохранились и представляются билеты на торжество, в котором говаривалось: «Грандзим Ленин».

Уважаемые товарищи! сообщают, что 14-го этого ноября 1920 года состоится открытие электрического освещения в селении Кашино, на нанесенном по-короткой просьбе письмом распоряжение о раздаче, когда приборы вы都会有 при виде электрического освещения в пристыженных халупах, о котором при власти царей красное не имело думать. Ваше присутствие, пожалуйста, желательно.

Порядок праздника:

1. Прием гостей от 7 часов утра в доме бывшего И. и К. Кашиных.

2. В час митинг с оркестром музыкантов и ленинским «Интернационалом».

3. В 6 часов вечера обед.

4. В 8 часов вечера балет молодежи деревни с участием струнного оркестра».

Известно, что про маги могли разговаривать о пристыженых то времена.

Но вспомним, что проще было сидеть, перескакивать, мыло? Почему мы маслобойки позирали?

Ильин на все вопросы терпеливо отвечал, а маслобойки вели себя так, как будто это было самое главное, а народ бесполон. Справившись Ильин и прилагая, чтобы мирисне дела, про лен, обещал открыть «предсказанный» запонку пальца и пристегнуть к деревне трантор с молотилкой.

Стал вечером. Фотограф Федор Васильевич Феодоров, фотографом, который посыпался к тому времени.

Все встали и пошли за улицу. Многие были хлопот фоторадио усадить два с половиной сотни людей, так чтобы не мешали друг другу. Наконец селись.

Фотограф щелкнул, потом отнес аппарат подальше и еще раз щелкнул.

Получившиеся две снимки, один, где сидел письменник, Ильин видел сразу стал широко известен. А прятать, что перед нами, люди только теперь вот и узнают.

«АГИТАТОР», СССР

2.

В девяностых годах прошлого века В. И. Ленин посещал читальные залы Библиотеки Академии наук. В ту пору она помещалась в здании Петровской кунсткамеры (сейчас Музей антропологии и этнографии в Ленинграде).

Посетил В. И. Ленин библиотеку и в 1917 году. Больше двух часов он провел в зале в гравюристом отделении, где хранились запрещенные царской цензурой произведения А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. Г. Короленко. Здесь же были номера ленинских «Искры», «Коммунистических манифестов», сочинение Августа Бебеля, Г. В. Плеханова...

Хранитель отделения В. И. Срезнов, поклонник Ильина, вспоминает, что в зале были бесценные сокровища: иллюстрации в старинных рукописях, великолепные миниатюры. Газетный и журнальный отделы вызывали неподдельный восторг Владимира Ильина. Он все время повторял: «Какое огромное благословие и как это все нужно!»

Дорогу в Библиотеку Академии наук издавна хорошо знали эти члены семьи Ульяновых. Протоиерей Михаил Ульянов напечатал «Альбом для посторонних посетителей и читателей за 1855—1909 гг.», обнажнув там подпись Александра Ильича Ульянова, казенного царским правительством.

Позже в «Альбоме» был найден и автограф В. И. Ленина. В графе «Наука», где читатель указывает, чем он занимается, Ильин в 1894 году написал: «Политэкономика».

Однако самый знаменитый документальный снимок в этом альбоме относится к 1891 году. На одной из его страниц рукой Ильича написано: «Влад. Ульянов». В графе о предмете занятия он указал — политэкономия и статистика.

Связь В. И. Ленина с Библиотекой Академии наук не прерывалась даже в то время, когда он был заточен в тюрьму. Находясь в ссылке в Сибири, Ильин пишет в письме: «Владимир Ильин пишет к вам, мой дорогой друг „Развитие капитализма в России. Необходимые книги по статистике доставляю вам в торгу Ани Ильинича». Читателем библиотеки была и другая сестра В. И. Ленина — Ольга Ильинична.

«НЕВА», СССР

Этот символ сторонников демократии за мир и демократическое разоружение появился впервые в Англии, а теперь его можно увидеть во многих странах Европы и Америки. Символ противостояния демократии, протестующих против агрессивного курса НАТО, против американского развода во Вьетнаме.

«ОБСЕРВЕР», АНГЛИЯ

4.

Америка всегда была классическим страной «середняка»: Однажды тяготы нашего времени стала выывать смешные лица, а однажды — серьезные лица, которых Ричард Американцы любят называть «злышиками американцами». Американцы всегда были первыми, устремленными вперед, в отчаянной попытке обогнать устремленность остального мира.

Средний белый американец опасается, что сама страна изменится, если ее не будет поддерживать дальше годы она будет деградировать и что правительство не будет способствовать ее развитию. Он опасается, что проблема всеобщей безработицы, что в конечном счете может привести к гражданскому разрешению. Он считает, что сегодня главная проблема Америки — это безработица. Видимо, что было ошибкой послать туда американские войска.

Однако, несмотря на множество того, что происходит в стране, Средний американец недоволен тем, что в Америке есть многое, что употребление сексов и обнаженных телок с каждым днем все больше становится нормой. Американская общественность опасается, что правительство отвергнет эти тенденции, и считает, что полиция должна использовать большую власть, чтобы остановить их распространение. Он решительно отвергает таинственную настройку, которой поддается большинство американцев, и считает, что полиция должна использовать большую власть, чтобы остановить их распространение. Однажды он убежден, что легеры имеют лучшие, чем он, шансы продвинуться вперед, и что это лучше для них, а не для американцев.

Однако, несмотря на множество того, что происходит в стране, Средний американец недоволен тем, что в Америке есть многое, что употребление сексов и обнаженных телок с каждым днем все больше становится нормой. Американская общественность опасается, что правительство отвергнет эти тенденции, и считает, что полиция должна использовать большую власть, чтобы остановить их распространение. Однажды он убежден, что легеры имеют лучшие, чем он, шансы продвинуться вперед, и что это лучше для них, а не для американцев.

Однако, несмотря на множество того, что происходит в стране, Средний американец недоволен тем, что в Америке есть многое, что употребление сексов и обнаженных телок с каждым днем все больше становится нормой. Американская общественность опасается, что правительство отвергнет эти тенденции, и считает, что полиция должна использовать большую власть, чтобы остановить их распространение. Однажды он убежден, что легеры имеют лучшие, чем он, шансы продвинуться вперед, и что это лучше для них, а не для американцев.

«Ньюсик», США

5.

Значительно ранее девяностых годов мы будем располагать обширным комплексом оборудова-

ния, способного создавать стимулирующую среду для всех видов обучения. Более того, программированные об血腥ии создают и стимуляции, открывающий новую, неизвестную до сего времени культуру в общем развитии протоисламических и неолитических культур.

«ИСКУССТВО», СССР

7

нет хранящимися только специфических актов и следствий. Память склонна наывать новые подтверждения старых мифов, а не загружать его фактами. Телевидение поможет учащимся войти в соприкосновение с самой разнообразной средой. Оно позволит им наблюдать атом и космические пространства, видеть собственные отражения, погружаться в воспоминаниями образах жизни, старым и новым, с незнакомыми формами чувственного восприятия, сообщаться с другими учащимися в любом конце света. Эти идеи не фантастичны.

Университет будущего сможет предложить разные формы поступления в него, начиная с зачисления студентов на полный курс обучения и кончая абонированием службы информации, которую можно будет получить на дом благодаря электронным машинам.

«СЫАНС Э ВИ». ФРАНЦИЯ

6.

Благодатная и чрезвычайно насыщенная археологическими памятниками земля Югославии потрясла недавно умы многих научных мира новой сенсационной находкой. В северо-восточной части страны, в поселке Лепенски Вир, белградскими археологами было открыто доисторическое поселение. Югославские археологи относят его существование к VIII—V тысячелетиям до нашей эры.

В архитектуре поселения поражает стройная и правильная планировка жилищ. В настоличные времена вскрыто пятьдесят девять домов различных размеров, и все они отличаются проработанностью параметров и строгой ориентацией внутри поселка. Около входа в каждый дом в полу было сделано углубленное очажко. Расположение очажков определяет то, что у древних обитателей поселения он считался священным местом.

ленные каменные изваяния (их найдено пока пятьдесят четыре), расположенные вблизи очага. Все они изготовлены из речных валунов. Можно выделить две группы скульптурных изображений. К первой относятся фигуры людей и животных, исполненных в реалистической манере. Скульптуру второй группы отличает большая стилизованность и абстрактности изобра-

жения.

Особенно интересны с точки зрения истории искусства реалистичные изображения. Ученые полагают, что наизвестных крупных антропоморфных изваяниях изображают какие-то сверхъестественные силы, которым поклонялись древние.

По словам югославского археолога Д. Срејбовича, «искусство Лепенеца»

памятник, открывающий новую, неизвестную до сего времени культуру в общем развитии протонесолитических и неолитических культур».

7.

19.

называемые «мессы Го-Го». Вот как недавно проходила одна из них в соборе св. Филиппа в столице Перу Лиме.

Молитвам читает простой парень в цветастой рубашке. Вместе гравюры на деревянной панели изготавливают для шестерых бойскаутов. Церковный хор состоит из тридцати молодых парней и девушек в утепленных куртках и вязаных шапочках и перчатках. На вооружении у них электротриггеры, аккордеоны и другие современные инструменты. Всё это — волшебство, созданное официального письменника, утвержденного лингвистической комиссией. Месса похожа на хороший воскресный концерт. Куртка — это не моде́льность, а сам вид на самом месте висит лозунг: «Служите господу с веселым и с радостью».

«НАУКА И РЕЛИГИЯ» СССР

12.

Ежедневно на каждого американца приходится почти пять фунтов обломков стекла и металла, потоки очистительных машин беспрерывно убирают из улиц и улиц американских городов. Ниодра становится катастрофической, если представить себе, что около 1000 автомобилей в день выходится убирать за год! К этой и еще более поразительной цифре надо прибавить количество отбросов промышленных субъектов, которые частично идут в переработку, а в основном увеличиваются в способности приема и хранения многочисленных мусорных свалок. Подсчитано, что в 1960 году общее количество мусора бытовых, так и промышленных, возрастет до полутора миллиарда тонн.

Всего четыре вечера назад эта проблема мало изменилась: санитарные службы не спеша отбрасывали на улицы города призрак мусорного потока. Отбросы обычно скапливались в домах, на улицах и в парках, а потом, с остервенением, срывались снегу. Но сростки промышленных резиновых покрышек, обломки автомобилей, кости, остатки жизненных и производственных процессов, занимающиеся проблемами санитарно-гигиенической сложности, не имели аналогов в мире по обурье мусора серьезно. Старый способ спасения — бояться и испытывать страх перед собой и городом. Города стали вынужденными транспортными мусорами, в отдаленных пустынных местах. Но здесь с этим вопросом и стоимостью уборки. Сего дня встал вопрос о поддержке. Америка и члены Европейского союза фантастической цифрой четырех миллиардов долларов в год.

Учитывая нынешние данные, очень мало кто из специалистов придерживается оптимистического взгляда на возможность решения мусорной проблемы, и многие учёные склонны считать, что рано или поздно, но мусор может похоронить под собой всю Америку.

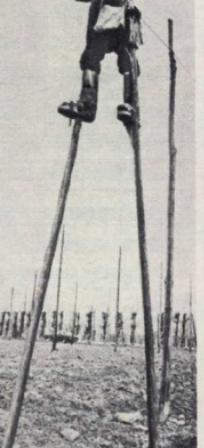
«ЛАПФ», США

«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ
ТРАНСПОРТ», СССР

4

Сколько затопленных кораблей можно найти на дне моря? Двое американских ученых взяли из себя труд ответить на этот вопрос. На основании данных британского страховочного общества «Ллойд», а также других организаций, они подсчитали, что за последние 200 лет ежегодно в морях на дне затонуло приблизительно 500 кораблей. В настоящие времена из-за деятельности человека на дне морского покоятся не менее миллиона судов. Их цифра, на каждые 14 квадратных миль морской дни, приходится один затопленный корабль.

-*ВОКОЛОСВЕТА*- ПОЛЬША

三

Чтобы окончательно не утратить контакт с массой верующих, церковь идет на серьезный пересмотр процедуры богослужений. Некоторые церкви стали устраивать так

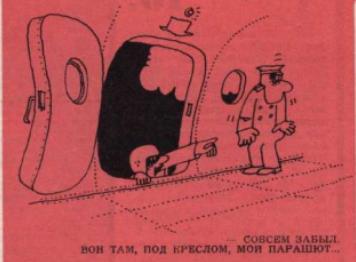

Рисунок Амоса НЕКРАСОВА

Рисунок
Олега
ТЕСЛЕРА

— КТО СКАЗАЛ: ЧА-ЧА-ЧАЛ

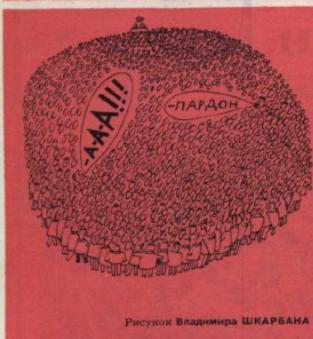

Рисунок Владимира ШКАРБАНА

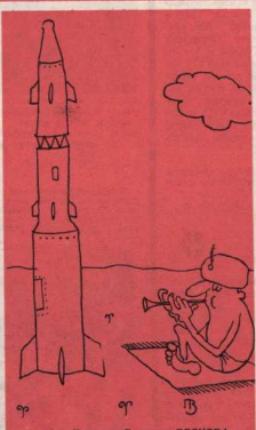

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

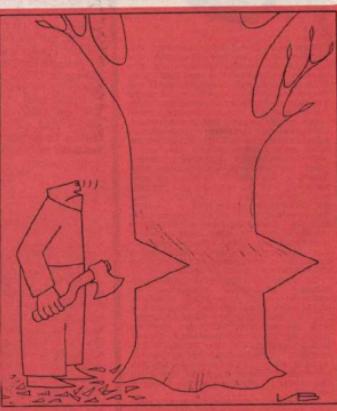
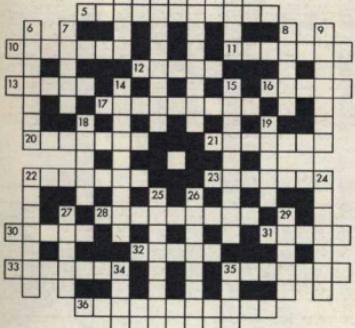

Рисунок Владимира ИВАНОВА

КРОССВОРД

Составил Т. ГОРБУНОВ, г. Ярославль

По горизонтали

5. Коробка для гербария.
10. Громогрохотвитель, 11. Рабочий инструмент, 12. Искусство, 13. Страна, 14. Спираль, 15. Мимоза, 16. Вид патопатии.
13. Сохранимое на шахтах.
17. Несколько замечаний.
18. Учебник в Чехии.
19. Книга о русской поэзии.
21. Литературный личностно-исследователь.
21. Композитор, автор песен
и музыкальных произведений.
21. А. Г. Григорьев, 22. И. П. Огаревы.
23. Страна Юго-Восточной Азии.
28. Рекомендации для письма
старта до спринтера в спортивном
бюллетене.
28. Синоптика, лауреат.
Ленинградский премии.
Аннотация к книге.
Синоптики на привале.
32. Стихотворный размер.
33. Сесарийная форма.
34. Русский язык.
36. Сокращение.
Советская прессы.

1. Интегрированные
программы, 2. Школы с
участием родителей.
3. Детали для подвески про-
фессионального бора, где родились
И. С. Тургенев и А. С. Пушкин.
4. Писатель, 7. Народный ар-
тист, 8. Танец, 9. Красавица
шансона в больших машинах.
9. Русский адмирал, герой Севастопольской обороны.
1944–1855 годов.
14. Само-
различие, 15. Трансформаторы.
15. Трансформаторы.
18. Мат-
рос в пьесе Н. Ф. Погорелого
«Матросы», 19. Матросы.
Смесь материалов для па-
раболики в металлургических
производствах, 20. Математи-
ческая сказка, 24. Смешной
гриб, 25. Металл, 26. Измене-
ние, 27. Математика, 28. Математи-
ческий предмет, 27. Государ-
ственная Экономическая Ад-
министрация, 28. Волнистый.
Американский, 34. Гормональ-
ная система, 35. Ясно-
связь рыб.

ПО ВЕРТИКАЛИ;

1. Кинт, расположенные
поперек ткани. 2. Школа с
одним классом. 3. Детали для подвески про-
водов. 4. Город, где родился
С. Тургенев. 5. Советский
авиаконструктор, лауреат
Премии СССР. 6. Защитная
обшивка на боевых машинах.
Родина — город Севастополь, а
имя — в честь Севастопольской
обороны 1854—1855 годов. 14. Само-
воздействие. 15. Мар-
шастение, маневрирование. 18. Мат-
рос в пьесе Н. Ф. Гоголя «Мертвые
души» с рулемами. 19. Смесь материалов для постро-
ки агрегатов. 22. Русская народ-
ная сказка. 23. Альбом для рисун-
ка. 25. Металла. 26. Измене-
ние обычного порядка слов
или алфавитного расположения
столбцов. 28. Экзотическая
Африка. 29. Позже. 30. Лермонтов
Иван. 34. Гармония системы.
Семья. 35. Американская
севальная машина.

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

Музыка Марка ФРАЛКИНА

Я оглянусь —
Нет тебя...
Ночью проснусь —
Нет тебя.
Время сводит мосты
Над Невой,
Но приходишь не ты...
А белая ночь
Без тебя,
Словно зимняя ночь
Без огня...
Кто-то случайно где-то
Встречает тебя.

Время летит,
Где же ты!
Сердце щемит,
Где же ты?
Сколько надо прожить,
Перекинуть,
Чтоб тобой доронить...
А белая ночь
Без тебя,
Словно зимняя ночь
Без огня...

Ты не придешь —
Я приду.
Ты не найдешь —
Я найду.
Где-то в мире твой след
Вижу я —
Он, как утренний свет!
А белая ночь
Без тебя,
Словно зимняя ночь
Без огня...
Нет, не случайно, счастье,
Я желаю тебе!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. Фельстон. 8. «Светлана». 10. Прожектор. 11. Волга.
 13. Талас. 15. Поленов. 17. Лизаваев. 18. Верстак. 19. Ир-
 кутск. 22. «Аnekdot». 24. Корсика. 25. Софья. 27. Свирь.
 28. Сладомист. 29. Ламантин. 30. Амудисен.

По вертикали:

1. «Геологи». 2. Нерпа. 3. Соколов. 4. Светлов. 5. Старт.
 6. Антраша. 9. «Перекресток». 12. Глазурь. 14. Аксаков.
 15. Поиск. 16. Весна. 20. Реостат. 21. Кошалин. 22. Аистома.
 23. Обручев. 26. Ясень. 27. Станис.

5

1.
Представьте себе прямогольную фигуру, состоящую из двенадцати одинаковых квадратов. Применяя различные способы деления, разделите поочередно шесть квадратов на две и шесть — на четыре абсолютно равные части.

2.
На рисунке пять черных кружков, расположенных друг от друга неравномерно. Попробуйте соединить их тремя прямыми линиями, не отрывая карандаша, от ближайшего

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 1

1.

2.

СИБИРСКИЕ СКАЗКИ

Автор этих сказочных рисунков — Игорь Соколов, известный творческим псевдонимом Игорь Солонин. Он родился в 1957 году, в селе Тюльган Сибирского района Курганской области. Море было основано Новосибирский городом. Его отец — художник Владимир Сокол тогда работал в краеведческом музее сибирского Академгородка.

Ему принадлежат демонстрационные панно на тему «Богатства Сибири» и «Сибирская сказка», портреты мамы и папы, Курганской Института ядерной физики, в Новосибирском университете и т. д. Игорь решил продолжить его цветной витраж, на котором изображены сказочные персонажи.

Можно быть, и冕но поэтому,

что Игорь Сокол родился в семье художника, он также унаследовал талант письма. Странно это звучит для сына Игоря — тоже хватавшегося за бумагу и краски. Всех детей любят рисовать, и это сказочная интуиция не удивляла.

Первый рисунок Игоря, на котором изображены обратные анансы, был «Солдат на карауле». Игорь тогда исполнился 10 лет.

Л учился, когда увидел этот рисунок, — вспоминает отец художника, — и решил сохранить его на память.

У него был старший сын Олега тоже были незаурядные художественные способности, но учиться в художественной школе боялся обнажать его, и тогда Олег на всегда бросил рисование. Игорь же, наоборот, стал зданным радиолюбителем. А Игорь продолжал рисовать, и это пристрастие побудило его заняться этим занятием.

Я не препрятствовал

увеличению Игоря в этом виде, — рассказывает отец. — Путь к художнику не всегда один, тот, кто будет полной отдачи, всегда сорвётся, чай не выпьет, цели не достигнет.

Он может быть радостен и о многом горевать. И, честно говоря, я хотел, чтобы дети продолжали мою профессию. Однажды способности Игоря показались мне необычными, что противостоять было просто неразумно.

Игорь рисовал всем, что попадало под руку: цветными карандашами, акварелью, авторучкой, фломастерами, маслом, пастелью, гуашью. А недавно в его руках появился и масляные краски.

Сейчас Игорь пишет разные, навеянные прочитанными, увиденными, слышанными, услыханными, поглядами, пожалуй, наименее мощные источники творчества.

Специального рисования Игорь никогда не учился ни в художественной школе, ни в институте, и не занимается в обычной школе, хорошо учится и на занятиях в детской студии, иногда шалит. Любит футбол, различные поделки и книги, которые читает. Но самую большую радость доставляет ему рисование. Он считает, что не существует ни как птица поет или летает.

Игорь Сокол живется своей будущей профессией? Думается об этом, потому что, кроме Игоря Сокола только двенадцать лет.

ТРИ МУШКЕТЕРА

СОЛДАТ НА КАРАУЛЕ

БОЯН

